

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[133]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(77)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

д.иск., проф. И.И. Тучков (председатель);

академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (основатель серии);

член-корреспондент РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов;

д.и.н., проф., Н.С. Борисов;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородин;

д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;

д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; д.и.н. А.Р. Канторович;

академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин;

к.и.н. Н.В. Литвина; д.фил.н., проф. О.В. Раевская;

д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев; д.и.н., проф. С.В. Мироненко;

д.и.н., член-корреспондент РАН, проф. Е.И. Пивовар;

д.и.н. А.В. Подосинов; к.и.н., доц. Ю.Н. Роголев;

д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; д.э.н., проф. В.В. Симонов;

д.иск., член-корреспондент РАН, проф. В.В. Седов;

к.и.н. О.В. Солопова; к.и.н. А.А. Талызина;

д.и.н., проф. Д.А. Функ

Профессор Г. Е. Марков

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РЕВОЛЮЦИИ СВЕТСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ НАУЧНЫЕ.

ДИНАМИКА ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА

Памяти доктора исторических
наук, профессора
Геннадия Евгеньевича Маркова

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2018

УДК 94
ББК 63.3(0)
Р 322

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 25.06.2018 г. (протокол №4)*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *Т.Д. Соловей*

Рецензенты:

д.и.н., проф. *Г.Ф. Матвеев*, к.и.н., доц. *И.Ю. Хрулева*

Редакционная коллегия:

к.и.н., доц. *М.Н. Бахматова*, д.и.н., проф. *О.Е. Казьмина*,
д.и.н., проф. *Т.Д. Соловей*

Р322 Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Д. Соловей. – СПб.: Алетейя, 2018. – 000 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 133. Сер. II: Исторические исследования, 77).

ISBN 978-5-907115-25-5

Сборник посвящен памяти выдающегося историка, этнографа и археолога, д.и.н., проф. Г.Е. Маркова. Широта его научных интересов была беспрецедентной: от истории первобытного общества до истории религий, от этнографии Азии (Западной, Центральной, Восточной, Юго-Восточной) до этнографии и археологии тюркского населения Западной Сибири, от истории материальной культуры до истории немецкой этнологии и немецкого народоведения. Г.Е. Марков стоял у истоков нового научного направления в этнологии – номадологии (кочевниковедения) и выступил автором оригинальной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах. Эти теоретические открытия стали подлинной научной революцией в отечественной этнологии. Еще одна проблемно-тематическая рубрика сборника посвящена 500-летию юбилею Реформации и 100-летию юбилею Русской революции, широко отмечавшимся в 2017 году.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-907115-25-5

9

7 8 5 9 0 7 1 1 5 2 5 5

© Коллектив авторов, 2018
© Исторический факультет МГУ, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

*Памяти доктора исторических наук,
профессора Геннадия Евгеньевича Маркова*

От регколлегии

Сборник посвящен памяти выдающегося российского ученого, Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного профессора Московского университета, ветерана Великой Отечественной войны, доктора исторических наук, профессора кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Геннадия Евгеньевича Маркова.

Научные труды Г. Е. Маркова составили ему высокую репутацию в России и в мировом научном сообществе. Известный историк, археолог и этнолог, автор более двухсот научных публикаций, он стал одним из основоположников нового научного направления в этнологии – номадологии (кочевниковедения) и выступил автором оригинальной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах. Его исследования по этнографии зарубежной Азии, истории первобытного общества, а также в области этнографии этнологии завоевали широкое признание. Авторитетный участник международных и отечественных дискуссий по вопросам теории и методологии этнологии, крупный организатор науки, внесший значительный вклад в формирование системы подготовки профессиональных этнологов, яркий лектор и педагог, способствовавший становлению и творческому росту нескольких поколений ученых – все это, без сомнения, ставит Г. Е. Маркова в ряд ведущих фигур отечественной этнологической науки второй половины XX – начала XXI столетий.

Широта его научных интересов была беспрецедентной: от истории первобытного общества до истории религий, от этнографии Азии (Западной, Центральной, Восточной, Юго-Восточной) до этнографии гагаузов и археологии тюркского населения Западной Сибири, от истории материальной культуры до истории немецкой этнологии и немецкого народоведения.

Созданная профессором Марковым «теория кочевничества (номадизма)» представляла собой крупное научное открытие и носила характер революционный; она стимулировала серьезный интеллектуальный сдвиг в понимании природы кочевых обществ и заложила основания нового научного направления в этнологической науке – кочевниковедения (номадологии).

Сборник открывает подробный биографический очерк, освещающий основные вехи научной, педагогической, организаторской и просветительской деятельности Г. Е. Маркова, а также библиография его трудов. Далее приводится глава VI «Некоторые теоретические проблемы кочевничества» монографии Г. Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации» (М.: Наука, 1976), в которой содержится концептуализация «теории номадизма». Публикацию главы предваряет комментарий доктора исторических наук, супруги и верной спутницы ученого, Клары Петровны Калиновский, ярко воссоздающий контекст и обстоятельства появления книги «Кочевники Азии».

Помимо революций научных, в проблемном смысле сборник фокусируется на революциях светских и религиозных, имея в виду 500-летний юбилей Реформации и 100-летний юбилей Русской (Октябрьской 1917 г.) революции, которые широко отмечались в прошедшем 2017 году.

Содержание сборника составил широчайший в проблемно-тематическом смысле круг статей. С одной стороны, эта широта отражает цветущую сложность современной этнологии с ее разнообразием теоретических и методологических подходов, а также междисциплинарным характером исследований. С другой стороны, это проявление глубины и мощи интеллектуальной динамики, спровоцированной Реформацией, а также диалектики социогуманитарного знания в СССР, вызванной революцией начала XX века.

В сборник вошли статьи теоретико-методологического характера, например, статья В. А. Попова, характеризующая современное состояние отечественной этнографии/антропологии, и исследование К. В. Цеханской, акцентирующее методологические проблемы изучения религиозности православного социума в России.

Ряд статей носят междисциплинарный характер, находясь на стыке истории, этнологии, этносоциологии, этнополитологии, религиоведения и музееведения. Психологическое состояние и социальное самочувствие гагаузов (по итогам этносоциологического исследования 2006 года) анализирует М. Н. Губогло. Революционные последствия Реформации и возникновения протестантизма, а также разделительные и объединительные тенденции, вызванные протестантизмом, рассматриваются в статье О. Е. Казьминой. Исторический и религиозный аспекты, а также современное состояние евразийской интеграции на постсоветском пространстве исследует Г. Ю. Ситнянский. Изучению проблем нациогенеза и национальной идентичности в Италии посвящена статья М. Н. Бахматовой. Обзор африканских этнографических коллекций в музеях Швейцарии сделан Х. М. Турьинской.

Классическая этнография, основывающаяся на современном исследовательском инструментарии, представлена совместной статьей Л. Б. Заседателевой и Е. Н. Даниловой, посвященной изучению военно-бытового уклада и этнопсихологического состояния оренбургского и терского казачества в XIX веке, а также статьей А. Л. Шевцова, где объектом рассмотрения стала группа метисного населения Восточной Сибири – «карымы» («ясачные»).

Наконец, блок статей анализирует революционные последствия Октября 1917 г., проявившиеся в кардинальной перестройке профессиональной (этнологической) коммуникации (статья Т. Д. Соловей), в трансформации праздничной культуры русских Архангельского Севера (статья А. В. Фроловой), в динамике советской повседневности и соционормативных практик (статья М. Н. Архиповой и А. В. Тутурского).

Редколлегия отказалась от разбивки статей сборника по рубрикам и размещает их в алфавитном порядке. Статьи печатаются в авторской редакции.

АНИКИН Никита Владимирович,
СОЛОВЕЙ Татьяна Дмитриевна,
ФУНК Дмитрий Анатольевич

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ В НАУКЕ.

*Памяти доктора исторических наук, профессора
Геннадия Евгеньевича Маркова
(21.06.1923 – 03.04.2018)*

Аннотация. Статья посвящена памяти крупного российского этнолога, археолога и историка первобытного общества, доктора исторических наук, профессора кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Геннадия Евгеньевича Маркова. В ней содержатся основные вехи научной и педагогической деятельности ученого, отражены генеральные направления его исследовательской активности. Научная биография вписана в широкий и динамично развивающийся общественно-политический, интеллектуальный и культурно-ценностный контекст.

Ключевые слова: Г. Е. Марков, этнология, археология, номадология (кочевниковедение), история немецкой этнологии и народоведения, история первобытного общества.

3 апреля 2018 г. не стало видного российского ученого, Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного профессора Московского университета, ветерана Великой Отечественной войны, доктора исторических наук, профессора кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Геннадия Евгеньевича Маркова.

Научные труды Г. Е. Маркова составили ему высокую репутацию в России и в мировом научном сообществе. Известный археолог и этнолог, автор более двухсот научных публикаций, он стал одним из основоположников нового научного направления в этнологии – номадологии (кочевниковедения) и выступил автором оригинальной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах. Его исследования по этнографии зарубежной Азии, истории первобытного общества, а также в области историографии этнологии завоевали широкое признание. Авторитетный участник международных и отечественных дискуссий по вопросам теории

и методологии этнологии, крупный организатор науки, внесший значительный вклад в формирование системы подготовки профессиональных этнологов, яркий лектор и педагог, способствовавший становлению и творческому росту нескольких поколений ученых – все это, без сомнения, ставит Г. Е. Маркова в ряд ведущих фигур отечественной этнологической науки второй половины XX – начала XXI столетий.

Значительная роль Г. Е. Маркова в формировании современного облика этнологии, а также конфигурации профессионального этнологического образования заставляет с особым тщанием всматриваться в биографию ученого, пытаться обнаружить в индивидуальных мотивах и действиях проявление более широких закономерностей, влияние интеллектуального и духовного климата эпохи. Судьба профессора Маркова испещрена знаками времени: неоднородные 1930-е, грозные военные годы, хрущевская «оттепель», стабильность поздней советской эпохи, превратившаяся в брежневский «застой», крушение СССР, кардинальные трансформации 1990-х годов с их амбивалентными последствиями отразились на человеческой и научной биографии ученого точно так же, как они «перепахали» судьбы миллионов его соотечественников. Однако, несмотря на динамично меняющийся контекст, константы личностного самоопределения Г. Е. Маркова составляли основательность и последовательность в науке, здоровый скепсис в отношении сиюминутной моды и интеллектуальной конъюнктуры и честное выполнение профессионального долга.

Детство Г. Е. Маркова прошло в противоречивой атмосфере 30-х годов XX века; он рос и формировался в семье потомственных русских интеллигентов. Дед Геннадия Евгеньевича со стороны матери Н. Н. Чернецов был известным архитектором, одним из разработчиков плана ГОЭЛРО; дед по отцовской линии – художником и инженером, а отец участвовал в сооружении танкового цеха Сталинградского тракторного завода. Влияние дяди, известного этнолога и археолога Валерия Николаевича Чернецова, рано сформировало круг интересов Г. Е. Маркова, который еще подростком всерьез заинтересовался историей, археологией и этнографией Азии.

Юношеские планы и замыслы могли остаться нереализованными: грянула Великая Отечественная война, и с первых же ее дней 18-летний Геннадий Марков оказался на передовой, где с перерывами на лечение в госпиталях, воевал до победного мая 1945. За участие в боевых действиях Марков был награжден четырьмя орденами и многими медалями. Однако с окончанием войны служба в рядах армии не закончилась. Блестящее знание немецкого языка и значительный боевой опыт способствовали тому, что молодой офицер продолжил службу в Австрии.

Примечательно, что Марков очень скупно делился воспоминаниями о Великой Отечественной и личном боевом опыте, не смакуя подробностей, не романтизируя и не демонизируя постфактум те, одновременно, героические и трагические годы. Важным, переломным фактом собственной биографии он считал отказ от блестящей перспективы, которая открывалась перед ним на службе в силовых ведомствах и сознательный выбор в пользу науки и академической карьеры. Вот, что об этом говорил сам Геннадий Евгеньевич: *«Меня моя военная специальность как-то не увлекала; меня, правда, собирались посылать в Москву, в соответствующую академию, а я не хотел. Я хотел учиться, заниматься этнографией, и я начал писать заявления, написал в общей сложности 15 заявлений. В конечном счете, меня отпустили и дали бумажку. Когда потом в Москве разные начальники смотрели на эту бумажку, они глазам своим не верили - там было написано “уволен по личной просьбе”»* (Интервью с Г. Е. Марковым // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. М., 2013. С. 24). Так проявилась конституирующая черта личности Маркова – склонность следовать собственным путем в жизни и в науке, а также независимость выводов и оценок.

Профессиональное становление, творческий и педагогический рост, вся жизнь Г. Е. Маркова оказались связаны с Московским университетом, традиционно занимавшим ключевую позицию в системе профессионального этнологического образования и важное место в этнологических исследованиях. В этом смысле университет выступал и выступает в качестве одного из структурообразующих факторов отечественной этнологической науки. Отличительная

черта университетов – неразрывная связь преподавания с исследовательской работой – наложила отпечаток на научную биографию профессора Маркова, в деятельности которого благоприятно сочетались талант лектора и педагога, а также незаурядный потенциал яркого и оригинального исследователя. Проявились и организаторские способности: он внес значительный вклад в формирование системы подготовки профессиональных этнологов, способствовал становлению и творческому росту нескольких поколений ученых.

В 1946 г. Г. Е. Марков поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ, а после увольнения из армии перевелся на второй курс очного отделения. После третьего курса студент выбрал для специализации кафедру этнографии. Этот шаг был вполне осознанным: еще до увольнения из армии фронтовик Марков твердо решил изучать этнологию народов Азии.

Востоковедные исследования в раннюю и среднюю советские эпохи составляли интеллектуальную моду. Здесь не обошлось без политико-идеологической подпитки. Императив модернизации Советского Союза, в том числе модернизации («вовлечения в социалистическое строительство») ранее «отсталых народов» стимулировал интерес к зарубежной и отечественной Азии. Но дело не только в социально-экономических и геополитических императивах. Восток представлял собой блестящее и практически неисчерпаемое профессиональное этнографическое и археологическое «поле». Страсть к «полю», глубинное понимание и прочтение «поля» были и остаются базовым элементом профессионального становления и профессиональной самоидентификации этнолога.

Геннадий Евгеньевич учился основам профессии у таких корифеев отечественной этнографии, как С. А. Токарев, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров. Ключевую роль Марков отводил влиянию С. П. Толстова: *«Я считаю своим учителем Сергея Павловича Толстова, ну а вторым был Николай Николаевич Чебоксаров, хотя он, в общем-то, меня не учил. Толстов же был блестящим лектором, человеком с большими научными фантазиями, которые во многом так фантазиями и остались. Но он меня, конечно, увлек Средней Азией. Поэтому я с его легкой руки, но против его*

желания, занялся этим регионом. А он не терпел конкуренции» (Интервью... С. 25).

После окончания 3-го курса Марков участвовал в работе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством профессора С. П. Толстова. Первый полевой сезон начинающего этнографа на всю жизнь связал его научную судьбу с историей и этнологией народов Центральной Азии, и в особенности туркмен. Свои исследования этнографический отряд экспедиции проводил в Дарганатинском и Куны-Ургенчском районах Чарджоусской области. Здесь существенно расширились представления молодого ученого о туркменской этнографии и истории северных туркменов-йомудов.

Экспедиционный отчет, представленный Марковым по окончании первого полевого сезона, был настолько профессионален, что С. П. Толстов и на следующий год привлек талантливого студента к археологическим раскопкам, а в 1949 г. назначил его руководителем этнографического отряда Хорезмской экспедиции, развернувшего исследования на правом берегу Аму-Дарьи, в Туртукульском и Бирунийском районах, среди туркмен-ата и арбачи. Именно тогда, в далеком 1949 г. у Г. Е. Маркова появились преданные соратники среди туркмен, с которыми его связала многолетняя дружба.

А затем было еще более 30 полевых сезонов в Средней Азии (главным образом в Туркмении), участие в экспедициях в Западной и Восточной Сибири, на Украине и на Алтае. Полевая работа составила весомую часть жизни ученого: *«Я всю сознательную жизнь после армии провел в экспедициях, куда я выезжал каждый год»*. Он считал поле неотъемлемой частью научной деятельности, а эмпирический материал обязательным фундаментом теоретических обобщений: *«...литература дает субъективное мнение того человека, который пишет. А я хочу сам увидеть, сам услышать, сопоставить, провести сравнительные исследования и только тогда поверить в то, что я увидел и услышал»* (Интервью... С. 26).

Г. Е. Марков стал единственным за всю историю кафедры этнографии обладателем стипендии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, которая была ему присвоена за успехи в учебе и студенческой научной работе. После окончания в 1951 г. университета поступил в

аспирантуру. Тема кандидатской диссертации Маркова логически вытекала из всех предшествовавших его исследований и была посвящена истории и этнографии северных туркмен. В аспирантуре Геннадий Евгеньевич опубликовал свою первую научную работу, которая вскоре была издана в Англии (*The Turkmen population of the Khoresm oasis // Asian Review. № 184. Vol. 1. October 1954. P. 22–39*) – факт по тем временам весьма редкий. Диссертация, защищенная Марковым в 1954 г., базировалась на уникальном историческом и этнологическом материале; позже она легла в основу монографии «Очерк истории формирования северных туркмен» (М., 1961).

В студенческие годы в орбиту научных интересов Маркова вошло изучение гагаузов: в 1950 г. он первым в советской науке провел полевые исследования среди гагаузов юга Молдавской ССР и Измаильской области Украинской ССР. Результаты этих исследований были обобщены в статье «Материалы по этнографии гагаузов» (1953), где ученый на основе анализа некоторых черт хозяйства и быта пришел к выводу о кочевом прошлом этого народа.

По окончании аспирантуры Г. Е. Марков был оставлен на кафедре этнографии исторического факультета МГУ в качестве младшего, затем – старшего преподавателя, а позднее получил звание доцента. Молодой ученый не замкнулся в узких рамках этнографии северных туркмен, непрерывно расширяя сферу научных интересов. В течение нескольких лет он принимал участие в археологических раскопках в Западной Сибири под руководством В. Н. Чернецова, а позднее проводил самостоятельные археологические разведки по Иртышу в районе знаменитого городища Искер – столицы хана Кучума, собирал этнографический материал по сибирским татарам, организовал экспедицию в Горный Алтай для сбора этнографических материалов среди алтайцев и казахов.

Основное направление экспедиционной активности молодого ученого осталось неизменным: начиная с 1956 г. на протяжении многих лет в тесном сотрудничестве с институтом истории им. Ш. Батырова Туркменской АН и Туркменским государственным университетом работала комплексная Туркменская археолого-этнографическая экспедиция Г. Е. Маркова. С этого времени в поле-

вых исследованиях ученого наметился крен в сторону археологии. Как и почему это произошло? Вот объяснение Геннадия Евгеньевича: *«Дело в том, что я тогда (во второй половине 1950-х гг. – Н. А, Т. С., Д. Ф.) заинтересовался историей материальной культуры и собирался писать докторскую диссертацию по кочевничеству, то есть, по хозяйству. Для этого надо было пощупать и посмотреть, что было к этому истоком. Поэтому я и начал заниматься археологией каменного века»* (Интервью... С. 25).

Первая же поездка, предпринятая в 1956 г. с целью сбора этнографического материала в Западной Туркмении и разведки археологических комплексов Прибалхашья, принесла открытие крупного археологического памятника ранненеолитической эпохи – Оюклы (V тыс. до н.э.). Постепенно зона археолого-этнографических изысканий экспедиции Г. Е. Маркова охватила почти всю территорию Туркмении.

Многолетняя плодотворная работа по изучению кочевого и полукочевого населения Средней Азии и других регионов мира имела своим результатом крупный научный прорыв в области исторической этнологии – обоснование особого номадного (кочевого) способа производства. В 1967 г. Г. Е. Марков защитил докторскую диссертацию на тему «Кочевники Азии», а в 1976 г. увидела свет одноименная фундаментальная монография, имевшая широкий резонанс как в СССР, так и за рубежом.

В этой книге на основе детального анализа экономики и социальной структуры наиболее известных кочевых в прошлом народов (арабов, казахов, монголов, туркмен и др.) была подвергнута ревизии точка зрения о существовании у кочевников феодальных или патриархально-феодальных отношений, имевшая статус научной догмы. Марков убедительно доказывал, что кочевники никогда не были феодально-зависимым населением; ему удалось показать, что сама по себе «феодальная концепция» на деле служила целям исторического оправдания и идеологического обеспечения советской политики, проводившейся в отношении кочевых народов Средней Азии.

Новаторским, неординарным и научно смелым для 1970-х годов был взгляд Маркова на проблему включения туркменских

племен в состав Российской империи: в монографии «Кочевники Азии» он впервые в отечественной науке выступил с публичным опровержением официозной партийно-советской точки зрения о, якобы, «добровольном присоединении» туркмен к России.

Логическим продолжением изучения экономики традиционных обществ оказался интерес ученого к истории хозяйства и материальной культуры народов мира. На протяжении многих лет профессор Г. Е. Марков читал одноименный лекционный курс; на базе последнего он подготовил и опубликовал учебное пособие «История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе)» (М., 1979).

Со временем ученый значительно расширил сферу научных исследований в связи с давнишним интересом к немецкой науке о народах – этнологии и народоведению. Историографический разворот стал проекцией прежних научных штудий Маркова: «...я много занимался историей первобытного общества, читал общие курсы, смотрел много литературы, в частности немецкой. И я увидел, что русская этнография много заимствовала из немецких подходов, и поэтому я захотел углубиться в немецкую науку, прежде всего этнологию» (Интервью... С. 27). Нельзя сбрасывать со счетов и изменение социополитического и культурного контекста в начале 1990-х годов, расширившего степень интеллектуальной свободы, в результате чего оказалось возможным изучение ранее табуированных тем и сюжетов.

Результатом многолетней работы стала публикация трех монографий: «Очерки истории науки о народах. Немецкая этнология» (М., 1993), «Очерки истории науки о народах. Немецкое народоведение» (М., 1993) и «Немецкая этнология» (М., 2004), а также ряда научных статей. По существу, это был первый не только в отечественной, но и в мировой этнографии квалифицированный очерк становления и развития одной из сильнейших этнологических школ мира – германской.

На протяжении многих лет Г. Е. Марков читал лекционный курс по «Истории первобытного общества». Теоретические наработки и концептуальные подходы в этой сфере профессор обобщил в учебном пособии «Первобытное общество» (М., 2009). Вскоре по-

сле этого были переизданы в дополненном и расширенном виде монографии «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации» (М., 2010) и «История хозяйства и материальной культуры» (М., 2010).

Колоссальный научный потенциал профессора Маркова сочетался с талантом организатора науки. С 1973 по 1986 год он возглавлял кафедру этнографии исторического факультета МГУ, профессором которой состоял практически до последних дней жизни. В 70–80-е годы продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию подготовки специалистов-этнографов в Московском университете. Этнографическое образование опиралось на принципы, заложенные С. П. Толстовым, Н. Н. Чебоксаровым, С. А. Токаревым и восходящие еще к «анучинской» школе. Марков с присущей ему сдержанностью и скромностью считал своим главным достижением на посту заведующего как раз тот факт, что ему удалось *«сохранить учебный план, созданный в свое время С. П. Толстовым и Н. Н. Чебоксаровым»*, а также *«взять на кафедру некоторых ее выпускников»* (Интервью... С. 29–30).

Вместе с тем, под влиянием Г. Е. Маркова, в процесс преподавания были внедрены некоторые новые идеи. Отчетливо оформились первичный цикл обучения (подготовка по общим теоретическим вопросам этнографии и первобытного общества) и вторичный, рассчитанный на углубленное изучение региональной этнографии.

Несомненным достижением кафедры стало увеличение числа научных направлений, составляющих содержание учебного процесса. Были подготовлены новые учебные курсы: по исторической социологии, общим проблемам этнографии. Коллектив кафедры в сотрудничестве с Институтом этнографии АН СССР оказался в состоянии обеспечить специализацию студентов практически по всем основным проблемам теоретической и эмпирической этнографии и истории первобытного общества, а также приемлемые (с поправкой на финансирование) масштабы полевой экспедиционной практики. Продолжалась работа над учебно-методической литературой. В 1982 г. увидел свет новый учебник «Этнография» под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова.

Значительную долю педагогической нагрузки на кафедре этнографии традиционно нес профессор Марков. В разные годы он читал как общие курсы, предназначенные для всех студентов-историков («История первобытного общества», «Этнография», «Основы этнологии»), так и специальные, рассчитанные на тех, кто углубленно изучает этнографию («Историография этнографии и этнологии», «История религии», «История хозяйства и материальной культуры», «Этнография народов Западной, Южной, Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии» и др.).

С середины 1960-х гг. Г. Е. Марков систематически читал лекционные курсы в европейских странах (ФРГ, Западном Берлине, ГДР, Австрии, Швейцарии, Югославии), что способствовало значительному повышению авторитета отечественной науки и росту интереса к ней за рубежом. В конце 1970-х гг. Геннадий Евгеньевич в течение года исполнял обязанности директора Института этнологии Свободного университета Западного Берлина, где организовал ряд семинаров по российской тематике, привлечших пристальное внимание западных ученых. Никаких проблем (идейно-политических, концептуальных) в ходе научных контактов с западными коллегами, по его собственному признанию, Марков не испытывал: *«На Западе никаких проблем у меня не было. Дело в том, что я никогда не занимался агитацией, а излагал свою точку зрения, которая, впрочем, нисколько не противоречила существующим у нас позициям. Кроме того, отсутствовал языковой барьер, поскольку у меня немецкие корни и немецкий язык для меня родной»* (Интервью... С. 28).

Признанием бесспорных научных заслуг Г. Е. Маркова явилось его избрание иностранным членом-корреспондентом авторитетного Лондонского института исследований заморских стран; в течение ряда лет он был постоянным членом руководства действующего под эгидой ЮНЕСКО Конгресса антропологических и этнологических наук.

Г. Е. Марков состоял членом нескольких диссертационных Советов, а приглашение его в качестве официального оппонента было почетно и ответственно для соискателя ученой степени, как кандидатской, так и докторской.

Трудно подсчитать, сколько курсовых и дипломных сочинений, кандидатских и докторских диссертаций было защищено под руководством профессора Маркова. Наряду с армией студентов, он дал путевку в большую науку почти четырём десяткам отечественных и зарубежных аспирантов, многие из которых стали теперь известными учеными. Учеников Маркова можно встретить буквально по всему миру: в России, в странах СНГ, в ряде европейских государств.

Хотя Г. Е. Марков, демонстрировал высокий профессионализм на разных поприщах, как преподаватель и наставник, организатор науки и коммуникатор, он, прежде всего, был человеком науки. Достоинство его научного стиля заключалось в его неизменной современности и абсолютной адекватности динамично меняющемуся контексту. Будучи открыт новым веяниям и тенденциям, он вместе с тем не участвовал в *«играх вокруг этноса»* (примордиалистско-конструктивистских спорах), полагая их *«лишенными смысла»* (Интервью... С. 31), и был страшно далек от конъюнктурного разоблачения «советского тоталитаризма», «косности и догматизма» советской науки (хотя прекрасно знал им цену).

Профессор Марков, до последних дней сохранял абсолютную ясность ума и поразительную работоспособность. Он продолжал думать, анализировать, писать, и не мог иначе, потому что наука составляла его экзистенциальный стержень.

Жизненный и творческий путь Геннадия Евгеньевича Маркова – это пример честного и плодотворного служения науке и образец гражданского патриотизма, своеобразная система соотнесения для новых поколений ученых.

Список основных печатных трудов Г. Е. Маркова

Монографии и учебники

Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961. 208 с.

Народы Индонезии. М., 1963. 139 с.

Кочевники Азии. М., 1976. 318 с.

История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе. М., 1979. 303 с.

Очерки истории науки о народах. Немецкая этнология. М., 1993. 391 с.

Очерки истории науки о народах. Немецкое народоведение. М., 1993. 136 с.

Немецкая этнология. М., 2004. 575 с.

Первобытное общество (учебное пособие). М., 2009. 209 с.

Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 2010. 318 с.

История хозяйства и материальной культуры. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 2010. 310 с.

История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе. Изд. стереотип. М.: URSS, 2014. 304 с.

Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. Изд. стереотип. М.: URSS, 2014. 326 с.

История науки о народах. Центральная, Западная, Северная, Южная континентальная Европа. Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2014. 152с.

Статьи и рецензии по теоретическим вопросам

К вопросу о формировании туркмен Хорезмского оазиса // Советская этнография (далее - СЭ). 1953. № 4. С. 41–55.

Материалы по этнографии гагаузов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). Вып. 19. М., 1953. С. 55–67.

The Turkmen Population of the Khorasm Oasis // Asian Review. October. 1954. N. 184. V. 1. P. 22–39.

Рец.: Журнал «Советская этнография» в 1953–1954 гг. // Вопросы истории (далее – ВИ). 1955. № 7. С. 132–137 (в соавторстве с Г. Г. Громовым).

Новые работы о туркменах // СЭ. 1955. № 3. С. 193–196.

Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса // КСИЭ. Вып. 23. М., 1955. С. 46–58.

Die Wirtschaft der Turkmenen vor ihrer Übersiedlung in die Mittelasiatische Oasen in 18 und 19 Jahrhundert // Ethnogr.-archaol. Forsch. 1958. Н. IV. Т. 1, 2. S. 161–171.

Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая 1958. № 4. С. 165–177.

Из этнической истории туркменского народа // КСИЭ. Вып. 29. М., 1958. С. 84–90.

Археологическая разведка 1957 г. в Западной Туркмении // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1959. Вып. 5. С. 45–53. (в соавторстве с В. М. Бахтой).

Средневековое кладбище Ак-Депе // Там же. 1959. Вып. 5. С. 218–226. Aus der Geschichte der Nordturkmenen (Teil I) // Ethnogr.-archaol. Forsch. 1959. Н. 6. S. 57–71.

Рец.: *Colomb L.* Die Bodenkultur in Ost-Turkestan. Oasenwirtschaft und Nomadentum. Freiburg, 1959 // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 5. С. 132–136.

Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961. 208 с. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1961. № 3. С. 67–82.

Aus der Geschichte der Nordturkmenen (Teil 2) // Ethnogr.-archaol. Z. 1961. Н. 2. S. 112–123.

Vorläufiger Bericht über einige Ergebnisse der Teilnahme an einer Ethnographisch-archaologischen Expedition in die Turkmenische Sowjetrepublik im Jahre 1959 // Jahr. Museums Volkerkunde Leipzig. 1961. В. 18/1959. S. 32–66 (в соавторстве с В. Кенигом).

Sechs turkmenische Teppicherzeugnisse aus dem Museum für Volkerkunde zu Leipzig // Ibid. 1962. В. 19. S. 120–134.

Из истории земледелия у северных туркмен в начале XX в. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад, 1962. Т. 6. С. 262–289.

Народы Индонезии. М., 1963. 39 с.

Рец.: *König W.* Die Achal-Teke. Berlin, 1962 // Acta ethnographica Acad. scient. hungar. Budapest, 1963. Т. 12. Fasc. 3–4. P. 445–448.

Грот Дам-Дам Чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская археология. 1966. № 2. С. 104–125.

Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане – грота Дам-Дам Чешме 2 // Известия АН ТССР. 1966. № 5. С. 41–54.

Кочевничество // Историческая энциклопедия. М., 1966. Т.7. С. 1017–1019.

Dam-Dam-cesme 2. Eine urgeschichtliche Hohle in Westturkmenien (Ost-Kaspi-Gebiet) // Ethnogr.-archaol. Z. 1966. H. 7. S. 1–19.

Гунбатор Туркменистанынг Гадымы ядыгэрликлери // Мугаллым газети. Ашхабад, 1967. № 147.

Народы Зарубежной Азии // Основы этнографии. М., 1968. С. 160–219.

Рец.: *Belenickij A.* Zentralasien. Munchen; Genf; Paris, 1968 // Ethnogr.-archaol. Z. 1969. B. 10. S. 550–556.

Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. 1970. № 6. С. 74–89.

Рец.: Проблемы этнических общностей и этнических процессов (по страницам журнала «Советская этнография») // Вопросы философии. 1970. № 2. С. 150–156.

Die wirtschaftliche Struktur der Nomadenviehzuchter-Volker Asiens // Abhandl. und Ber. Staatlichen Museums Volkerkunde Dresden. B., 1970. B. 31. S. 55–77.

Рец.: Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Foldes. Budapest, 1969 // СЭ. 1971. № 2. С. 161–164.

Материалы по каменному веку Прибалхья // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971. С. 23–59.

Развитие культуры и быта туркменского народа за годы советской власти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1972. № 6. С. 60–72.

Die Dynamik der gesellschaftlichen Organisation bei den Nomaden Asiens // Jahr. Museums Volkerkunde Leipzig. 1972. B. 23. S. 176–180.

Einige theoretische Fragen des Ubergangs der Volker Mittelasiens zum Sozialismus // Nichtkapitalistische Entwicklung. B., 1972. S. 91–98 (в соавторстве с В. Кенигом).

Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. 1973. № 1. С. 101–113.

Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М., 1973. 13 с. (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).

Некоторые проблемы этнографии иолотанских туркмен // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973. С. 76–86.

Некоторые материалы по этнографии туркмен западного Ахала // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1973. № 3. С. 22–31 (в соавторстве с А. Оразовым).

Рец.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972 // СЭ. 1973. № 3. С. 181–184.

Die Turkmenen der Oase Bacharden // *Jahr. Museums Volkerkunde Leipsig*. 1973. В. 29. S. 84–95.

Probleme der Entstehung des Nomadentums // *Hirtennomaden und Viehzuchter*. Leipzig, 1973. S. 15–22.

Кочевничество // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. М., 1973. Т.13. С. 298–299 (ст. 881-883).

Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей // *Расы и народы*. М., 1974. Вып. 5. С. 27–44.

Рец.: *Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки*. М., 1973 // *Вопросы философии*. 1974. № 8. С. 172–174.

К проблеме возникновения социальной организации у гоминид // СЭ. 1974. № 5. С. 112–114.

Рец.: *Grjaznov M.* Sudsibirien (*Archaeologia Mundi*). Stuttgart; Munchen; Gent; Paris, 1970 // *Ethnogr.-archaol. Z.* 1974. В. 15. S. 355–360.

Категория «образ жизни» и характер советского образа жизни // *Вопросы совершенствования распределительных отношений в условиях развитого социализма*. М., 1975. С. 18–29.

Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // *История материальной культуры Узбекистана*. Ташкент, 1975. Вып. 12. С. 60–67.

Советский образ жизни и проблемы этнографии // СЭ. 1976. № 2. С. 3–14.

Социальные факторы, дивергенция и популяции // Там же. № 4. С. 137–139.

Рец.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974 // *ВИ*. 1976. № 6. С. 159–162.

Община у кочевников и сложение в ходе их оседания территориально-соседской общины // *Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР»*. Алма-Ата, 1976. С. 23–25.

Некоторые экономические аспекты проблемы социалистического образа жизни // *Методологические вопросы прогнозирования повышения народного благосостояния*. М., 1976. С. 5–18.

Новые исследования первобытных памятников Прикаспия // *Каракумские древности*. Ашхабад, 1977. Вып. 5. С. 40-56 (в соавторстве с М. Б. Дурдыевым).

Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7. С. 9–28.

«Нравы и обычаи туркмен-салыр». Забытый источник по социально-экономической истории и этнографии Юго-Восточной Туркмении // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1977. № 1. С. 65–74 (в соавторстве с Ч. Я. Язлыевым).

Die Ausbildung der Ethnographen in der UdSSR // Ethnogr.-archaol. Z. 1977. N. 3. S. 509–517.

Проблема жизненных укладов в системе советского образа жизни // Экономические условия и критерии социалистического образа жизни. М., 1977. С. 28–39.

Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 11–28.

Problems of Social Change Among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative. P., 1978. P. 305–314.

Political Organization of Pasforal Nomads // X Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sciences. Moscow, 1978. P. 203–211.

Political Organization of Nomads // X Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sciences. Abstracts. Delhi, 1978. V.2.

Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 147–158.

История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе). М., 1979. 303 с.

Обычай избегания и проблема «пережитков» // СЭ. 1979. № 1. С. 63–68. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979. С.149–168.

Новая стоянка оюклинской культуры в Северном Прибалханье // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1980. № 4. С. 67–76 (в соавторстве с С. Хамракулиевым).

Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества // Литературоведение и теория. Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1980. С. 125–127.

Община у кочевников и складывание в ходе их оседания территориально-соседской общины // Проблемы современной тюркологии. II Тюркологический конгресс. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1980. С. 309–315.

Памятник первобытности в Восточном Прикаспии – грот Дам-Дам Чешме 1 // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 3.

С. 41–55. Национальное и интернациональное в советском образе жизни // Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1981. С. 269–276.

Качественные показатели советского образа жизни и сближение жизненных укладов // Проблема планомерного развития системы производственных отношений (социальный аспект). М., 1981. С. 12–24.

Рец.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981 // СЭ. 1981. № 4. С. 174–178.

Классификация скотоводства и дефиниции // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 45–48.

Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4. С. 83–94.

Исторична типологія способу життя // Народна творчість та етнографія. 1981. № 6. С. 7–17.

Einige Probleme aus der Geschichte von Wirtschaft und materieller Kultur in der Urgesellschaft // Ethnogr.-archaol. Z. 1981. H. 3. S. 433–442.

Ausbeutungs- und Abhängigkeitsverhältnisse bei den Nomaden Asiens // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. B., 1981. H. 33. S. 13–22.

Предисловие. С. 3–4; Классификация народов мира. История этнографической науки. С. 13–26; Народы Западной, Южной, Юго-Восточной Азии. С. 60–106 // Этнография. М., 1982.

Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам) // СЭ. 1982. № 4. С. 80–87.

Рациональные (целесообразные) потребности как качественный показатель социалистического образа жизни // Проблемы развития материальных основ социалистического образа жизни. М., 1982. С. 38–51.

Программы курсов: История первобытного общества; Основы этнографии. М., 1982. 15 с.

Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сарматское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980 (1982). С. 21–37.

Primitive History as the Object of Ethnographic Study // Problems of the European Ethnography and Folklore. Moscow, 1982. P. 6–29.

Рец.: *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. Учебник // ВИ. 1983. № 6. С. 142–145.

О терминах и понятиях в этнографии // СЭ. 1983. № 5. С. 73–77.

Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 5. С. 59–72 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Новое в исследовании истории первобытного общества // Преподавание истории в школе. 1983. № 4. С. 12–19.

A Classification of Cattle-Breeding and Nomadism // Studies in Ethnography and Anthropology. Papers Presented by Soviet Participants. P. 2 (XI Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sciences). Moscow, 1983. P. 70–76.

Образ жизни туркмен в XIX–начале XX века // ВИ. 1983. № 12. С. 84–98.

К изучению проблемы кочевых племен // ВИ. 1983. № 11. С. 162–164.

Кафедра этнографии // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 286–301 (в соавторстве с Л. П. Лашуком).

Проблемы первобытнообщинного строя в освещении советской историографии // Новое в исторической науке. М., 1984. С. 97–113.

Рец.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблема антропосоциогенеза // ВИ. 1984. № 10. С. 139–141.

Советские этнографы в годы Великой Отечественной войны // СЭ. 1985. № 2. С. 23–35.

Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 244–261.

L'évolution de l'ethnologie ouest-allemande // Ethnologie occidentale: Essais critiques sur l'idéologie. Moscou, 1985. P. 134–151.

Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевников // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 4. 1985. С. 86–96 (в соавторстве с Н. Э. Масановым).

Этнические общности как историческая категория // СЭ. 1986. № 4. С. 69–73.

Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 6. С. 56–69 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Традиционный образ жизни населения Горного Алтая и социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте // Там же. 1987. № 2. С. 67–76 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Социальная система кочевников Азии // Мир кочевников. М., 1987. С. 69–111 (на арабском языке).

Этнография и историзм // СЭ. 1987. № 4. С. 82–85.

Программа дисциплины «История первобытного общества» для государственных университетов. Специальность 2008 – История. Изд-во МГУ, 1987. 8 с.

Алтайский круг казахского скотоводства // Тюркология-88. Фрунзе, 1988. С. 539–541.

Новейшие достижения советской науки в области истории первобытного общества // Новое в советской исторической науке. М, 1988. С. 139–159.

Дискуссия о преподавании этнографии // СЭ. 1988. № 4. С. 79–84.

Этническая таксономия и исторический процесс // Расы и народы. Вып. 18. 1988. С. 46–48.

Отклик на статью В.А. Тишкова «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР» // СЭ. 1989. № 3. С. 14–16.

Динамика хозяйственно-культурных типов и социальных отношений в туркменском обществе в позднем средневековье // Проблемы средневековой истории Туркменистана. Ашхабад, 1989. С. 17–20.

Введение. С. 4–7; Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе. С. 54–75 // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.

Из истории немецкого народоведения // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990. № 2. С. 32–43.

Хозяйственно-культурные типы и способы производства // ВИ. 1990. № 8. С. 3–15 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).

Исторический процесс на доиндустриальных стадиях // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. М., 1990. С. 106–109 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).

Ногайцы – проблемы национальных отношений и культуры // СЭ. 1990. № 2. С. 15–22 (в соавторстве с К.П. Калиновской).

Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // СЭ. 1990. № 6. С. 79–90.

Les societes traditionelles d'Asie Centrale // Cahiers du Monde russe et sovietique. XXXI. P., 1990. P. 397–404.

Ногайцы. Этнокультурные проблемы и межнациональные отношения // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 4. С. 59–70 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Введение. С. 3–5; Народы Зарубежной Азии. С. 78–159 // Этнография. Тбилиси, 1991 (на грузинском языке).

Концепция национальной политики Российской Федерации // О концепции национальной политики Российской Федерации. М., 1992. С. 15–16.

О бедной науке замолвим слово ... // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1992. № 5. С. 3–6.

Немецкое народоведение от начала XX века до 1933 г. // ЭО. 1992. № 4. С. 66–77.

Этническая и общинно-племенная структура и проблема разделения труда у скотоводов Азии и Африки // Исследования по первобытной истории. М., 1992. С. 123–157 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Традиционное и новое в культуре ногайцев // Всероссийская научно-практическая конференция «Традиционное и новое в культуре народов России». Пресс-бюллетень. Саранск, 1992. 23 с. (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Рец.: Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (до середины 1980-х годов) // ЭО. 1992. № 4. С. 158–160.

О концепции национальной политики в Российской Федерации // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 5. С. 35–38.

Поиски решения проблем Ногайской степи // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 44. М., 1993. С. 1–19 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Народоведение в годы нацизма. Крушение науки // ЭО. 1993. № 5. С. 102–115.

Динамика хозяйственно-культурных типов и социальных отношений в туркменском обществе в позднем средневековье // Проблемы средневековой истории Туркменистана. Ашгабад, 1993. С. 33–41.

Классификация народов мира // Этнология. М., 1994. С. 33–43.

Очерк истории этнологической науки // Этнология. М., 1994. С.33–43.

Народы Западной Азии // Этнология. М., 1994. С.81–97.

Народы Южной Азии // Этнология. М., 1994. С. 81–97.

Народы Юго-Восточной Азии // Этнология. М., 1994. С. 98–117.

К вопросу о национальном самоопределении // Свобода или воля (к проблеме национального определения и самоопределения). Кишинев, 1994. С. 165–197.

От упадка к возрождению. (Немецкое народоведение после второй мировой войны: проблемы теории) // ЭО. 1995. № 6. С. 31–49.

История первобытного общества. Программа лекционного курса для государственных университетов. М., 1995.

Возрастные отношения в системе традиционно-патриархального самосознания в Азии и Африке. Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 4. С. 29–44 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Рец.: *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, Москва, 1995.

От истоков немецкой этнологии к ее расцвету. Вопросы теории // ЭО. 1996. № 4. С. 105–116.

Carpet making Art as source on Ethnogenesis on Social History of Turkmen People // The history of the Turkoman carpet. Ashgabad, 1996. P. 7–16.

Немецкая этнология на рубеже веков: поиски новых путей. Фридрих Ратцель // ЭО. 1997. № 3. С. 127–135.

Die materielle Kultur der Turkmenen // Die Kostbarkeiten der Orientalischen Kunst. Coburg, 1997. Z. 21–37.

К истории изучения номадизма в отечественной литературе // Восток. 1998. № 6. С. 110–124.

Взлет и крушение теории – немецкая этнология на рубеже веков. Лео Фробениус // ЭО. 1998. № 4.

Die Turkmenen-Geschichte und Kultur // Pasyryk. Das Jahrbuch der Pasyryk Gesellschaft. Band 1. 1998. Z. 78–86.

Коричневая тень над немецкой этнологией // ЭО. 1999. № 4. С. 117–131.
60-летие кафедры этнографии (этнологии) Исторического факультета МГУ // ЭО. 1999. № 6. С. 127–136.

Рец.: Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1999 // ЭО. № 2. С. 162–167.

Сравнительная типология археологических и этнологических культур // Интеграция археологических и этнологических исследований. Москва–Омск, 1999. С. 35–38.

Время возрождения немецкой этнологии (1950-е – 1960-е годы). Направления исследований и теоретические проблемы // ЭО. 2000. № 6. С. 89–100.

Общественные отношения и социальная организация номадов // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 179–194 (в соавторстве с К.П. Калиновской).

Путь научного подвижничества // Восток. 2001. № 5. С. 89–101 (в соавторстве с К.П. Калиновской).

Экологические проблемы Ногайской степи // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2001. С. 107–119.

Кочевое скотоводство и его перспективы // 4-й конгресс этнографии и антропологии РАН. Нальчик, 2001. тезисы докладов. С. 152–153.

The Social Structure of the Nomads of Asia and Africa // Studies on Central Asia History. Indiana University, Bloomington Indiana. 2001. P. 319–340.

Современные проблемы Ногайской степи. Историко-экологические аспекты // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2002. № 1. С. 21–36 (в соавторстве с К. П. Калиновской).

Das Volk der Wusste. Die Nachfolger der Skyten und Parthen // Die Welt. Duisburg, 2002.

Die Turkmenen – Geschichte und Kultur // Pasyryk. Band 1. Munchen, 2002. S. 78–86.

Страны Южных Морей (Юго-Восточная Азия) // Народоведение. Кн.1. М., 2002. С. 211–232.

В краю оазисов и пустынь (народы Передней азии) // Народоведение. Кн. 1. М., 2002. С. 141–164.

В краю оазисов и пустынь // Этносфера. 2003. № 2(53). С. 16–23.

Религиозные верования. Предполагаемые генезис и история // www.ethnonet.ru/lib/0503-02.htm 17 2003 # 1.

Рихард Турнвальд и немецкая этнология // Етнокультура у контексті світової історії. Матеріали 6 міжнародного наукового семінару. Черновці, 2004. С. 157–166.

Немецкая этнология в конце тысячелетия: кризис или новый расцвет // ЭО. 2005. № 4. С. 111–129.

Народы Передней Азии // Этнология. М., 2005. С. 129–149.

Страны и народы Юго-Восточной Азии // Этнология. М., 2005. С. 204–223.

Хивинский парадокс. О попытке Джунгаид-хана создать в начале XX в. раннефеодальное государство // Междисциплинарный проект. Социально-политические портреты государств Центральной Азии. М., 2006. С. 228–238.

Турнвальд Рихард // Культурология. Российская политическая энциклопедия. М., 2007. С. 739–742.

Шмидт Вильгельм // Культурология. Российская политическая энциклопедия. М., 2007. С. 988–991.

Этнография (этнология) в ГДР // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. 2007. С. 3–11.

Этносы Западной Азии // Этнология. Учебник. М., 2007. С. 236–256.

Народы и культуры Южной Азии // Этнология. М., 2007. С. 257–279.

Юго-Восточная Азия. Народы и культуры // Этнология. М., 2007. С. 280–301.

Из истории немецкого народоведения // Покликання служити нації і людям. Сборник в честь Г. Кожелянка. Чернівці, 2008. С. 198–206.

Этнография (этнология) в ГДР // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 3. С. 3–11.

Немецкое народоведение: история теоретической мысли // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных ста-

тей, посвященный 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / Под ред. А. А. Никишенкова. М.: изд-во московского университета, 2011. С. 43–62.

Сокровища Моравских братьев // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. Сборник научных статей. Труды Исторического факультета МГУ (62). Серия II Исторические исследования (25). М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 37–51.

КАЛИНОВСКАЯ Клара Петровна

**НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ.
О МОНОГРАФИИ Г. Е. МАРКОВА
«КОЧЕВНИКИ АЗИИ» (1976)**

Книга «Кочевники Азии» увидела свет в 1976 году. Еще были слышны отзвуки бурных дискуссий 1950–1960-х годов на научных площадках нашей страны. Сторонники «кочевого феодализма» не хотели легко сдавать своих позиций, а среди них были такие «мастодонты» этнографической науки, как М. П. Грязнов, С. П. Толстов, Л. П. Потапов. Но и младшее поколение ученых – «научный авангард» в лице Г. Е. Маркова, С. Е. Толыбекова, Ю. И. Семенова, С. И. Вайнштейна – набирало силу, приобретало научный авторитет и признание. К слову, в зарубежной этнологии кочевничество определялось как «особая форма технологии производства или хозяйства». Там вообще отсутствовали такие базовые категории как «производительные силы» и «производственные отношения», лежащие в нашей науке в основе определения любого способа производства. Однако конфронтация «традиционалистов» и «авангарда», прежде всего, определялась политическими установками тогдашнего этапа советской действительности. Все республики в СССР считались равными в их историческом уровне, т.е. они (само)утверждались как государственные образования с классово-структурой обществ, мифическими или реальными героями-предками.

В подобном контексте – идеологическом, ценностном, интеллектуальном – автор «Кочевников Азии» не имел возможности открыто и прямо концептуализировать «кочевничество» как историческое явление. Формулировка «номадный способ производства» в силу идейно-политических ограничений и сопротивления части научной корпорации (сторонников «кочевого феодализма») появится в публикациях ученого лишь во второй половине 1980-х годов. Вместе с тем огромный эмпирический материал, собранный в книге, был глубоко проанализирован Г. Е. Марковым и прямо подводил читателя к революционному выводу, суть которого состояла

в том, что *кочевничество – это особый, исторически сложившийся у ряда народов, способ производства.*

Номадизм – это кочевой образ жизни обществ с общинным владением пастбищными землями, семейной частной собственностью на стада скота, экстенсивным характером производства при отсутствии сословной собственности на основные средства производства, передаваемые в классовых обществах по наследству. Племенная организация гибкая: в мирное время она выступала в форме «общинно-кочевой», а в период войн – в форме «военно-кочевой». Производственные отношения у кочевников носили экстенсивный характер. Переход этих форм из одной в другую – явление обратимое. Таковы были в сухом, сжатом виде основные выводы автора «Кочевников Азии».

Сейчас основные положения концепции «номадизма» приобрели в отечественной этнологической науке характер устоявшегося, фундаментального и даже (отчасти) самоочевидного знания. Но в момент создания эта теория носила прорывной характер, а идеи Маркова отличали экстраординарная новизна и интеллектуальная дерзость. Это был основательно верифицированный фактами и блестяще аргументированный вызов господствующим научно-идеологическим конструктам вроде «кочевого феодализма».

Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М.: Наука, 1976

Г л а в а VI

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЧЕВНИЧЕСТВА (с. 278–313)

Возникновение кочевничества как особой, самостоятельной формы деятельности, при которой средства к существованию добывались главным образом в процессе экстенсивного скотоводства, представляло собой крупный этап в разделении труда и имело значительные социально-экономические, политические и культурные последствия.

Изучение генезиса кочевничества – важная историческая проблема, не разрешенная и по сей день. Те ограниченные данные,

которыми располагает наука, все-таки позволяют сделать вывод, что становление экстенсивного кочевого скотоводства было сложным процессом, обусловленным социально-экономическим и политическим развитием как племен «горно-степной бронзы», так и их оседлых соседей. Вместе с тем некоторые особенности этого развития в сочетании с данными естественных наук позволяют предполагать, что возникновение кочевничества на рубеже эпох бронзы и раннего железа было связано также с определенными изменениями в природной среде некоторых горно-степных областей Азии. Эти изменения как следствие хозяйственной деятельности человека, геоморфологических и климатических колебаний оказали неблагоприятное воздействие на развитие примитивного мотыжного земледелия части племен «горно-степной бронзы». Равновесие элементов традиционного комплексного хозяйства было нарушено, и последнее перестало удовлетворять потребности населения. Возникла необходимость в новых дополнительных средствах к существованию, а для этого необходим был переход к новым формам хозяйства. В специфических условиях пустынных степей и предгорий выход в то время был только в дальнейшем развитии экстенсивного скотоводства – кочевничества или миграциях. И то и другое приводило к усилению подвижности населения.

Эта гипотеза может быть обоснована и несколько иначе. Прежде всего следует учитывать, что комплексное хозяйство горно-степных племен существовало очень долго, а в некоторых областях, например в Восточном Прикаспии, – даже больше двух тысяч лет и имело по сравнению с поздним кочевничеством зачастую более развитую материально-техническую базу. Однако убедительные данные о том, что комплексное хозяйство меньше удовлетворяло потребности людей, чем экстенсивное скотоводство, подверженное многочисленным превратностям кочевой жизни, отсутствуют. Должны были быть особые причины для того, чтобы забросить традиционное налаженное хозяйство, теплые жилища и могилы предков и отправиться странствовать. Необходимо подчеркнуть, что там, где сохранялись постоянные источники водоснабжения, а следовательно, возможность достаточно широко заниматься мотыжным земледелием, комплексное традиционное хозяйство

не исчезло и не обнаружило тенденции к превращению в кочевническое. Мотыжное земледелие или сохранялось до позднего средневековья, или развивалось в плужное земледелие.

Как свидетельствуют археологические источники, уровень социально-экономического развития у племен в эпоху бронзы, как перешедших впоследствии к кочевничеству, так и сохранивших традиционное хозяйство, был в среднем практически одинаков. Итак, развитие скотоводства в рамках комплексного хозяйства не приводило обязательно к кочевничеству. Не известны случаи массового перехода народов, имевших развитое животноводство, к кочевничеству и в позднейшие эпохи, за исключением отдельных групп населения или племен (например, часть лесных монголов, тувинцев и др.), обращавшихся к кочевничеству под влиянием сильных соседей. То же можно сказать и о некоторых народах тропиков (например, многие обитатели Восточной Африки), о скотоводах Северной Америки, где очень развитое животноводческое хозяйство не вылилось в настоящее кочевничество, а средства к существованию получали не только, но и зачастую не столько от скотоводства, сколько от других видов занятий: земледелия, охоты и др. Следует также отметить, что кочевники, переселяясь на новые места, где природные условия благоприятствовали земледелию, нередко оседали и начинали вести комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, в котором было довольно много скота. Эта особенность противоречит высказанному в литературе предположению о том, что рост поголовья стад может вызвать перерождение комплексного хозяйства в кочевническое.

Кочевничество возникало, развивалось и существовало главным образом там, где исчезали или отсутствовали возможности для достаточно продуктивного, хотя бы мотыжного земледелия. На протяжении истории у кочевников была тенденция к оседанию на землю, но зачастую, встречая существенные препятствия, не реализовывалась, так как оседание могло быть связано с потерей независимости и подчинением государствам оседло-земледельческих областей.

Переход к кочевничеству, очевидно, произошел первоначально отнюдь не всюду, где впоследствии господствовало экстенсив-

ное скотоводство, а в первую очередь в «критических зонах», где вести мотыжное земледелие стало особенно трудно¹. Кочевая жизнь, а возможно, и некоторые хозяйственные затруднения приводили к столкновениям с соседями, войнам. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в социально-экономических отношениях. Неуклонно возрастала имущественная и усложнялась социальная дифференциация. В кочевничество вовлекалось соседнее население, возникал как бы «цепной процесс», при котором захватывались местности, где комплексное хозяйство все еще продолжало бытовать. Часть племен, вовлеченных в этот процесс, оставалось кочевниками; часть, переселившись в новые места, возвращалась к своим традиционным занятиям или при благоприятных условиях переходила к плужному земледелию.

В литературе рассматриваемый этап получил название «ранних кочевников». В целом термин удачен, хотя и не раскрывает всего многообразия исторических процессов в комплексном хозяйстве племен «горно-степной бронзы» по мере разложения последнего. Все особенности этого сложного явления сегодня выявить еще нет возможности, но по имеющимся данным «раннее кочевничество» не было единым по типам и формам. Одни народы, подобно многим племенам, входившим в союз хунну, были в полном смысле этого слова кочевниками, и их быт соответствовал условиям их образа жизни. Другие – алтайские и часть европейских скифов, племена ариев, переселявшиеся в Южную Азию (да и не только они), – хотя и вели из-за переселений и условий хозяйства подвижную жизнь, сохраняли в быту многие черты полуседлости: керамику собственного производства, громоздкую утварь, металлургическое производство, неуклюжие повозки; имели значительное поголовье крупного рогатого скота и т.п. Не исключена, например, возможность, что подвижность скифов была связана не столько с их хозяйством, сколько с военным бытом. В таком случае отгонным скотоводством могла заниматься молодежь, для которой это занятие было одно-

¹ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. ГО СССР. МПЭ, в. I. Л., 1961, стр. 12; Г. Е. Марков. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. СЭ, 1973, № 1.

временно и военной школой¹. Большинство таких народов вскоре перешло к оседлости, и, судя по всему, их подвижность была, очевидно, временной. Итак, если не говорить об этапе переходном от эпохи бронзы к «раннекочевому» времени, о котором мы не располагаем ни письменными, ни даже достаточными археологическими данными, то в рамках «раннего кочевничества» предположительно можно наметить по крайней мере два хозяйственных типа – результат двух путей исторического развития в специфических условиях. Первый тип, будучи связан скорее всего с «первичными» центрами возникновения кочевничества и пустынными областями, в начале I тыс. н.э. эволюционировал в развитое кочевничество. Второй – характеризуется сильными пережитками полуседлости и соответствующим комплексом хозяйственных отраслей, возник как следствие социально-экономических и политических причин, а также отмеченного выше «цепного процесса». При этом какая-то часть племен, имевших второй тип хозяйства, могла остаться кочевой, хотя многие из них, кочуя и переселяясь, останавливаясь в местах, благоприятных для традиционного комплексного хозяйства, постепенно оседали, становясь земледельцами. Весьма возможно, что на развитии различных хозяйственных типов сказывались и традиции эпохи бронзы, когда для одних племен были больше, а для других меньше характерны подвижные формы отгонного скотоводства. Так, одни уже «перестроились» для радикальной смены типа хозяйства, другие стремились вынужденную подвижность сменить на традиционные занятия. Наиболее существенные различия между племенами двух типов хозяйства заключались в том, что хозяйство последних включало ряд интенсивных отраслей; быт сохранял многие полуседлые черты, тогда как собственно «ранние кочевники» добывали средства к существованию главным образом в хозяйстве экстенсивном. Вот почему представляется необходимым и возможным выделение среди «ранних кочевников» собственно кочевников, очень напоминающих позднейших развитых кочевников и «подвижных скотоводов», т.е. «временных» кочевников, сохранявших в быту и культуре традиции полуседлого и оседлого быта.

¹ Эта мысль в свое время была высказана В. Н. Чернецовым устно.

С рассматриваемой проблемой тесно связан вопрос о древнейших способах кочевания. Существует предположение о том, что первоначально было распространено так называемое «непрерывное кочевание» в домах на колесах. И, казалось бы, некоторые исторические источники подтверждают эту гипотезу. Например, Зосим сообщает о скифах: римляне, истребив всех мужчин, «устремилась на женщин и детей и взяли 4000 повозок и пленных столько, сколько можно было везти на стольких повозках, исключая следовавших за ними пешком и отдыхавших в них попеременно, как это в обычае у варваров»¹. Аммиан Марцеллин описывает аланов так: «...придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки», и, «истребив здесь корм для скота, они вновь везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках»². На основании этих примеров М. П. Грязнов полагает, что у скифов существовало непрерывное кочевание. Он пишет: «Если для большинства ранних кочевников, живущих в повозках, нет прямых указаний на наличие у них техники непрерывного кочевания, то нет никаких указаний и на обратное»³. Тот же автор считает, что система непрерывного кочевания у скифов была результатом «закономерного процесса развития производства и производственных отношений скотоводчески-земледельческих племен степного юга»⁴. Но каковы были эти процессы, как они были связаны с непрерывным кочеванием, М. П. Грязнов достаточно убедительно не поясняет.

Древние источники действительно сообщают, что в определенных условиях скифы непрерывно кочевали. Но условия эти специфичны, ибо передвижения происходили во время войн и подобная форма передвижений еще не доказывает, что древнейшей формой кочевания было непрерывное движение. До эпохи «Великого переселения народов» хунну, как об этом свидетельствуют восточные хроники, не знали «непрерывного кочевания». Как показали археологические наблюдения, отсутствовала такая форма хозяйства и

¹ З о с и м. Новая история, кн. 4, 25, 3.

² Аммиан М а р ц е л л и н. История, кн. XXXI, 2, 18.

³ М. П. Г р я з н о в. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 24, 1955, стр. 21.

⁴ М. П. Г р я з н о в. Некоторые вопросы истории... КСИЭ, 24, 1955, стр. 21.

у древних скотоводов Восточного Прикаспия. Нельзя не сослаться здесь и на состояние хозяйства монголов. Как отмечалось, до эпохи Империи они вели регулярное кочевое хозяйство (куренное, айльное) на сравнительно ограниченных пастбищных пространствах. Непрерывное кочевание появилось у них только в ходе завоевательных походов, а вовсе не было исконной чертой их хозяйства. Поэтому, очевидно, непрерывное кочевание было специфическим явлением, связанным с эпохой войн и переселений. Как следует из археологических и письменных данных, уже в глубокой древности существовали различные способы кочевания, соответствовавшие природным условиям окружающей среды, известные и широко распространенные позднее.

Анализ показывает, что виды скота у кочевников и полукочевников Азии довольно одинаковы, хотя их процентное соотношение в стаде и по породам различно. Эти различия зависят как от формы кочевого хозяйства, так и от природно-географической зоны. Как при преимущественно кочевом, так и полукочевом хозяйстве во все эпохи разводили главным образом верблюдов, лошадей, мелкий рогатый скот (овцы и козы). Крупный рогатый скот кочевники не разводили, а появление его у полукочевников означало разложение экстенсивного скотоводства, переход к полуседлости и появление оседлости. Особенно наглядно это явление, свидетельствующее о внутренних процессах, происходящих в скотоводстве, можно наблюдать у казахов в XIX – начале XX в. (см. третью главу).

Различия в видах скота в кочевом и полукочевом хозяйствах определялось тем, что в первом типе хозяйства особенно большое значение имело разведение верблюдов (незаменимого при дальних переходах вьючного животного – «корабля пустыни»). Полукочевники держали обычно еще и ослов. Но верблюдоводство в сочетании с коневодством стало ведущей отраслью хозяйства только в специфических условиях аравийских пустынь, малопригодных для разведения других хозяйственных животных. Полукочевники Аравийского полуострова держали наряду с верблюдами большие стада мелкого рогатого скота. В Средней Азии, где преобладало полукочевое скотоводство, разводили верблюдов, мелкий рогатый

скот, немного породистых лошадей (в условиях стойлового содержания) и ослов. Судя по отмеченным выше этнографическим данным, характерно, что у туркмен до эпохи их массового переселения в земледельческие оазисы, верблюдоводство имело значительно большее распространение, чем в XIX в. В Казахстане и восточных ареалах распространения кочевничества даже очень подвижные скотоводы сочетали разведение верблюдов с экстенсивным содержанием крупных табунов лошадей и стад мелкого рогатого скота. Это сочетание объяснялось как особенностями растительности на пастбищах, так и необходимостью тебеневки: зимой при значительном снежном покрове или гололеде лошади разгребали снег, разбивали копытами ледяную корку, после получали возможность кормиться и прочие животные.

Вопрос о способах и типах кочевого хозяйства довольно широко освещен в литературе. Однако, рассматривая его, исследователи зачастую смешивают с п о с о б ы ведения скотоводческого хозяйства у полукочевого и полуседлого населения. Последнее, как отмечалось выше, добывало средства к существованию не только скотоводством, а не меньше или даже больше земледелием и иными занятиями. Животноводство для них было лишь относительно важной отраслью хозяйства. Скот пасли пастухи, основная же часть населения занималась другими работами. На какие бы отдаленные пастбища не перегоняли пастухи стада, скотоводство имело о т г о н н у ю форму. У полукочевников стада могут пастись круглый год на ограниченной площади, но скотоводство для них – главное занятие большей части населения, кочующего с одного сезонного пастбища на другое. Таким образом, сама по себе амплитуда кочевания не является решающим признаком, определяющим кочевничество, и изменяется в широких пределах. Максимально дальние перекочевки совершались при меридиональном (например, многие группы казахов в прошлом) и аравийском пустынном (бедуины-верблюдоводы) кочевании. Перекочевки при этом способе кочевания достигали 1,5-2 тыс. км в год. На меньшие расстояния скот перегоняли при «вертикальном» кочевании (например, киргизы, алтайцы и др.). Самой маленькой была амплитуда перекочевок при так называемом «стационарном» кочевании, распространенном в XIX в. у

туркмен Восточного Прикаспия и в некоторых других местностях¹. По мере разложения кочевничества в XIX и XX вв. дальность перекочевков все чаще свидетельствует о социальной принадлежности скотоводов. Только богатые хозяйства имели возможность совершать дальние перекочевки.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные способы ведения скотоводческого хозяйства могут рассматриваться лишь как самые общие элементы классификации. Существует довольно много вариантов каждого из этих типов, которые в зависимости от различных условий среды и у разных народов имеют свои специфические особенности. Комплексный анализ многообразия способов ведения скотоводческого хозяйства предусматривает дальнейшее накопление фактического материала.

Все, что известно о кочевом хозяйстве, указывает на постоянную и тесную взаимосвязь кочевых народов с обитателями земледельческой полосы: одни группы кочевников были больше связаны с земледельцами, другие – меньше. Случаи изоляции кочевников от оседлых областей хотя и были довольно частыми, но временными. Скотоводы и земледельцы поддерживали различные торговые и культурные связи; этому способствовали завоевания оазисов кочевниками или подчинение кочевых районов владыками оседлых государств и т.п.

Сопоставление данных о кочевом скотоводческом хозяйстве со времени возникновения до разложения приводит к выводу о большой устойчивости данного типа хозяйства. Это подтверждает хронологическое сравнение видового состава стад, особенностей кочевания, приемов и способов ухода за животными, обработки и использования продуктов скотоводства, продуктивности хозяйства и т.д.² Однако устойчивость скотоводческого хозяйства вовсе не означает, что оно вообще не развивалось. Так, становление кочев-

¹ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., ГО СССР. МПЭ, в. I, 1961, стр. 3, 4.

² Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах..., ГО СССР. МПЭ, в. I, 1961, стр. 5, 6. Это обстоятельство отмечает также С. Е. Толыбеков (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971, стр. 5–7, 12 и др.).

ничества и его развитие были бы процессами замедленными или даже невозможными без ряда важнейших открытий и изобретений человечества, сделанных на первых этапах его истории, без которых подвижное экстенсивное скотоводство трудно представить.

Были одомашнены лошадь и верблюд, появились седло, стрелы, удила, удобное переносное жилище и т.п. Но, сложившись, кочевничество далее характеризуется застойностью, которая в основном порождалась слабым развитием производительных сил и незначительным разделением труда. При максимальной приспособленности кочевого хозяйства к условиям окружающей среды все приемы ведения хозяйствования были так же просты, как и взаимоотношения со скотом. Пастьба скота, годовой скотоводческий цикл требовали большого опыта, навыков и минимума орудий труда. Вплоть до разложения кочевничества «усовершенствования» – самые простые приспособления, в основном самодельные орудия труда, – употреблялись лишь при стрижке животных, обработке продуктов скотоводческого хозяйства. Независимость кочевого скотоводческого хозяйства от уровня развития техники, скромные потребности в предметах быта, возможность купить или отнять их у соседей-земледельцев – все это приводило к тому, что разделение труда развивалось медленно. К тому же города, ремесленные центры возникали только при прочной оседлости, что противоречит самой сути кочевничества. Да и в городах, которые появлялись время от времени в кочевой степи, жили выходцы из земледельческих оазисов: торговцы, ремесленники; существовали такие города недолго, ибо оставались изолированными и нетипичными. Скотоводческий опыт предусматривал накопление определенных навыков обращения с животными и умения приспосабливаться к окружающей среде; однако в условиях кочевничества возможности для совершенствования весьма ограничены, так как при достижении оптимальных результатов дальнейшее совершенствование прекращалось само собой. В условиях кочевого экстенсивного скотоводства возможностей для вариаций его форм, либо радикального усовершенствования или перестройки самого хозяйства не было. В одинаковых природных условиях одного времени года кочевать можно было только совершенно определенно, что довольно убе-

дительно подтверждается фактическими данными. С возникновением и до упадка и разложения кочевничества способы и приемы ведения кочевого хозяйства, его технический уровень если и изменялись, то незначительно, не столь радикально, как, скажем, при переходе от мотыжного к плужному земледелию.

Хозяйственная структура кочевничества, типы, формы, приемы ведения хозяйства и т.п. оказались устойчивыми, застойными и мало изменялись, однако такие особенности не ставят кочевничество вне общеисторических закономерностей. Суть – в особенностях развития, в темпах эволюции. Эпоха присваивающего хозяйства – это сотни тысяч лет. Дальневосточное земледельческое хозяйство существовало не одну тысячу лет. Только развитие социально-экономических отношений в оседлых районах, технический переворот, появление и распространение машин привели к быстрым изменениям в сфере скотоводческого хозяйства, невозможным ранее.

Низкий уровень развития производительных сил кочевого скотоводства привел к тому, что последнее оказалось в стороне от технического прогресса, что сказалось и на социальном развитии. Маркс отмечал: «Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе и о том именно обществе, которое *определяется*... этими средствами производства»¹.

Экстенсивное пастбищно-кочевое скотоводство существовало как самостоятельный вид хозяйства в окружении обществ с невысоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, общественного производства и разделения труда. Вовлечение скотоводческих народов в сферу социально-экономических отношений в новое и новейшее время со временем привело к существенным сдвигам в их хозяйстве. При этом скотоводство, как кочевое, так и полукочевое, по своей природе способно развиваться только до известных пределов. Хозяйство постепенно начало приобретать черты товарного и включалось в общую систему общественного производства. Но этот процесс неизбежно приводил к разложению экстенсивного кочевого хозяйства, превращавшегося

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI). М., 1932, стр. 262.

в отрасль сельского хозяйства, ибо кочевое скотоводство несовместимо с интенсивным товарным; по мере этой эволюции исчезала и необходимость в специфической общественной политической организации кочевников. Не отвечавшая требованиям времени, не способная противостоять и помешать новому, хозяйственная основа кочевничества, а затем и кочевничество в целом, вовлекаясь в сферу современного хозяйства, стали разлагаться.

В работах, посвященных дискуссионным проблемам кочевничества, довольно распространено утверждение, противоречащее высказанному выше. Отстаивающие эту точку зрения полагают, что материально-техническая база кочевничества – его хозяйство – неуклонно (и даже сравнительно быстро?) развивалось. Однако никаких аргументов в пользу этого мнения, за исключением ряда фактов периодов возникновения и разложения кочевничества, не приводится. Это подчеркивалось неоднократно. В своем последнем исследовании, посвященном казахам-кочевникам¹, С. Е. Толыбеков подверг обстоятельной критике такие взгляды и высказал ряд интересных соображений, в целом справедливых. Так, он считает, что в кочевом скотоводстве качественное улучшение пород скота наступало через несколько сотен лет: возможностями же для резкого качественного изменения пород кочевничество не располагало вообще². О накоплении опыта хозяйствования С. Е. Толыбеков пишет так: «Этот народный опыт и вековая производственная практика людей не могли вызвать коренного изменения материальной базы производства и организации труда...»³. В другом месте, как бы подчеркивая свою мысль, добавляет: «Кочевники были верны своим традициям, вытекавшим из их способа производства», причем «творческое воздействие кочевников на природу не шло дальше разведения архаическим способом домашних животных и кормления их на естественном пастбище»⁴. Застойность и специфические консервативные признаки кочевнического хозяйства он усматривает в невозможности оседлости, отсутствии частной собственно-

¹ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество...

² См. Там же, стр. 50–51.

³ Там же, стр. 316.

⁴ Там же, стр. 168.

сти на землю, отсутствию городов, в более продолжительном (по сравнению с существующим в земледелии) периоде производства; в слабом развитии общественного разделения труда и классовой дифференциации; в том, что ремесло не выделилось как самостоятельная отрасль хозяйства, и не произошло разделения умственного и физического труда; в бытовании племенной организации¹. Анализируя фактический материал, С. Е. Толыбеков констатирует, что сопоставление сведений о кочевниках Средней Азии X в. и жителей Сырдарьинской области конца XIX в. показывает, что последние мало чем отличались от первых по образу жизни и по характеру производственной деятельности². Не находит автор и существенных различий в образе жизни, общественном производстве и политико-экономическом строе хуннов III–II в. до н. э. и монголов XI–XII вв.³. Говоря о казахах XV–XVIII вв., он утверждает, что и в их хозяйстве в это время существенных изменений не наблюдалось⁴. При этом консервативность кочевничества подчеркивается не только в хозяйственных, но и в социальных отношениях: «Кочевое скотоводческое общество было способно веками сохранять, консервировать и даже в отдельных случаях реставрировать отсталые формы общественно-производственных отношений»⁵, настолько, что «у кочевых племен пустынь и степей социально-экономические перемены за весьма длительное время бывали настолько незначительными, что их трудно было заметить»⁶. Интересен и, нужно полагать, справедлив вывод С. Е. Толыбекова о том, что прогрессивное развитие кочевого скотоводческого общества всегда и везде должно было приводить к оседанию⁷.

Естественно, что специфика кочевнического хозяйства должна была сказаться на социальной структуре кочевничества: общественных отношениях и общественной организации. Многочисленные

¹ Там же, стр. 317–320.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 249.

⁵ Там же, стр. 607.

⁶ С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 170.

⁷ Там же, стр. 600.

дискуссии, которые велись и ведутся по этим проблемам до сих пор, показывают, что многие аспекты еще требуют разрешения и необходимы дальнейшие детальные исследования. Попытки многих авторов и участников дискуссий декларировать, сделать обязательной только определенную точку зрения были несостоятельными, так как эти исследования не учитывали многих важнейших марксистских положений, вступали в противоречие с фактами. Еще Энгельс отмечал, что в истории тот, «кто ... погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот немногим поживится, – разве только банальностями и общими местами...»¹. Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, все дискуссии в советской исторической науке, публикации и полемика в литературе велись с марксистских позиций.

Расхождения в теоретических взглядах вылились в результате дискуссий главным образом в различную интерпретацию фактического материала и трактовку некоторых теоретических положений. Большой вред теоретической разработке проблем эволюции и социальной структуры кочевничества причинили попытки модернизации многих явлений, перенесение черт, характерных для эпохи разложения кочевничества на более ранние периоды, механическое сопоставление явлений, свойственных кочевничеству и развитым земледельческим народам Запада².

Переходя к анализу конкретных особенностей развития социальной структуры кочевничества³ и рассмотрению научных дискуссий последних десятилетий по этой проблеме, следует прежде всего обратить особое внимание на указание Маркса о том, «приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном

¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 20, стр. 90.

² Подобные позиции, нашедшие отражение в работах Б. Я. Владимирцова, Л. П. Потапова, И. Я. Златкина и других исследователей, были подвергнуты серьезной критике С.Е. Толыбековым (см. С. Е. Т о л ы б е к о в. Кочевое общество... стр. 116, 117, 213, 214, 305, 306, 328, 329).

³ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. I, стр. 153, прим.

во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»¹. Кочевничество было обществом, добывавшим средства к существованию на основе застойного, медленно развивавшегося экстенсивного скотоводства и жившим военно-племенным, патриархальным бытом. Эти основные черты и взаимоотношения с развитыми земледельческими народами и определяли социальную структуру рассматриваемого общества.

Проблемы собственности на основные средства производства у кочевых и полукочевых народов, характера их производственных отношений, а следовательно, и оценка уровня социально-экономического развития обществ осложняются существующими в литературе разнообразными взглядами на средства производства у кочевников. Одни исследователи полагают, что основными средствами производства у кочевников являлись пастбища, другие – скот, третьи – и то и другое и т.д. Разногласия эти усугубляются тем, что каждый спорящий стремится построить свою концепцию так, чтобы аргументировать основные положения последней помимо данных источников высказываниями основоположников марксизма, даже если эти высказывания прямо направлены против подобной концепции².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

² Материалы научной сессии (далее – сокращенно МНС), посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период опубликованы в одноименном сб. (Ташкент, 1955); см. также: С. З. З и м а н о в. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; е г о ж е. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане. ВАН КазССР, 1932, № 4; е г о ж е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. ВИ, 1955, № 12; З. А. Е р е н о в. К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане. ВАН КазССР, 1953. № 5; Л. П. П о т а п о в. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1954, № 6; е г о ж е. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. МНС; И. Я. З л а т к и н. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. ВИ, 1955, № 4; С. Е. Т о л ы б е к о в. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. ВИ, 1955, № 1; е г о ж е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата, 1959; В. Ф. Ш а х м а т о в. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. ВАН КазССР, 1951, № 7; е г о ж е. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана. МНС.

Обширный фактический материал о кочевничестве и знание проблематики скотоводства не только по литературе, но и по 25-летней полевой экспедиционной работе позволяют утверждать, что сама постановка вопроса в дискуссии надумана и схоластична, причем последнее замечено и другими исследователями.

Сам по себе процесс скотоводческого производства – это одомашненный скот и выпас его на пастбищах, а также последующая обработка получаемых продуктов хозяйства. Однако ни скот, ни пастбища, ни несложные приемы переработки продукции в отдельности не образуют кочевого или полукочевого хозяйства. Только человеческий труд дает возможность этим трем составляющим существовать в качестве формы производства. Отсюда следует, что как скот, так и земля в равной мере являются основными средствами производства. Но, как показывает изучение скотоводческого хозяйства, отношение скотовода к скоту и земле различно. Одомашненный скот – результат трудовой деятельности человека; скот – основной и оборотный капитал скотоводческого хозяйства¹; трудовая деятельность в кочевом хозяйстве – пастьба скота, уход за ним, обработка полученных от него продуктов. Продукты труда скотовода: мясо, молоко – все, что дают животные, не являются в представлении кочевников (в отличие от земледельца) «дарами земли». Характер труда, направление производственной деятельности в кочевничестве предусматривают преимущественную заботу о животных и в значительно меньшей степени о колодцах, обрабатываемых клочках земли и пастбищах. К первым – по причине нерегулярности самого труда, ко вторым – в связи с второстепенностью этого вида занятий. Что же касается пастбищ, то Маркс подчеркивает: «Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля...»². Так и следует отвечать на переросший в проблему вопрос.

Что касается собственности на скот, то здесь не может быть двух мнений. Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 181.

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

частной семейной собственностью. Например, Ф. Энгельс по этому поводу писал: «И несомненно, ... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...»¹. Вследствие «обособленной собственности» «...скот сделался товаром ... приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени»². Этот вывод, подтверждаемый имеющимися фактическими данными, показывает, что частная собственность на скот появилась уже в процессе формирования кочевничества и привела ко всем вытекавшим из этого явления социально-экономическим последствиям. Возникновение кочевого скотоводства означало окончательное разложение первобытнообщинных отношений и углубление имущественного и социального неравенства.

Все советские, да и многие зарубежные исследователи³ дают кочевничеству оценку как обществу не первобытному, а имущественно-социально-дифференцированному, однако мнения расходятся при определении сущности этого строя. Важным аспектом этих расхождений стал характер собственности на скот и землю.

Собственность, как известно, порождается определенными общественно-производственными отношениями между людьми, и «*собственность* означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его собственным условиям производства...»⁴.

В нашей литературе широко распространено мнение о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников. Но суть этих отношений определяется различными авторами по-разному: от развитых феодальных до недоразвитых (патриархально-феодальных). При этом некоторые исследователи полагают, что основу этих отношений составляет феодальная соб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 58.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 160.

³ См., например, W. K ö n i g. Die Achaal-Teke. Berlin, 1962; L. S t e i n. Die Šammar Šerba.

⁴ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

ственность на землю¹, другие – собственность на скот². Впрочем, есть и иные точки зрения³.

Как первая, так и вторая точки зрения подвергались в литературе серьезной и обоснованной критике. Каждая из сторон убедительно критикует основные положения другой, что в конечном счете ставит под сомнение их позитивные выводы.

Резко и обоснованно выступает против предположения С. З. Зиманова, З. А. Еренова, Л. П. Потапова, И. Я. Златкина и других о наличии у кочевников феодальной собственности на землю С. Е. Толыбеков. При этом он обстоятельно показывает, что выводы, к которым приходят эти авторы, не подтверждаются фактическими данными, а многие факты толкуются им и неверно. При этом следует отметить, что С. Е. Толыбеков свои рассуждения подтверждает обширными фактическими данными из истории казахского народа, соответствующими рассмотренным выше историческим и этнографическим данным как в отношении казахов, так и других кочевых скотоводов.

С. Е. Толыбеков доказывает несостоятельность доводов З. А. Еренова и некоторых других авторов, пытавшихся на примере Букеевской казахской орды обосновать наличие феодальной земельной собственности в Казахстане⁴. Он совершенно правильно указывает, что хан этой орды и его потомки «приобрели право владельцев на эту землю на основе русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов»⁵. Кроме того, он опровергает утверждение З. А. Еренова, согласно которому обычай называть те или иные местности по имени старейшины или предводителя свидетельствует о феодальной соб-

¹ См. указанные выше работы С. З. Зиманова, З. А. Еренова, Л. П. Потапова и др.

² См. указанные работы С. Е. Толыбекова, В. Ф. Шахматова.

³ См. С. И. Р у д е н к о. К вопросу о формах... ГО СССР. МПЭ, в. I, 1961; Г. Е. М а р к о в. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1970, № 6; Е. М. З а л к и н д. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970.

⁴ См. С. Е. Т о л ы б е к о в. Общественно-экономический строй..., стр. 205–207; е г о ж е. Кочевое общество..., стр. 385.

⁵ С. Е. Т о л ы б е к о в. Кочевое общество..., стр. 385.

ственности на землю. Термин «тоган», который З. А. Еренов истолковывает как «земельный участок» и который в его представлении связан с феодальным владением, на самом деле скорее означает «головной канал» – так назывались вовсе не пастбища, а орошаемые земледельческие участки¹. Довольно убедительно критиковал С. Е. Толыбеков и предположение З. А. Еренова и С. З. Зиманова о том, что могильные памятники предводителей связаны с феодальной земельной собственностью². С. Е. Толыбеков показывает, как некоторые авторы неверно, тенденциозно пытаются интерпретировать факты. Это и попытки Б. Я. Владимирцова, а позднее Л. П. Потапова обнаружить в сообщении Плано Карпини подтверждение наличия у монголов крупного феодального землевладения, хотя этот автор сообщал лишь об организационных мероприятиях, направленных на упорядочение кочевания, необходимых для укрепления военной организации³. Очень примечательно замечание С. Е. Толыбекова о том, как используют С. З. Зиманов и З. А. Еренов данные для обоснования своей концепции. Так, из старорусского оборота речи Н. П. Рычкова о «знатных» (т.е. хороших) землях они ухитрились сделать вывод о наличии феодального землевладения⁴. Убедительными фактами С. Е. Толыбеков опровергает утверждение С. З. Зиманова о том, что казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхаир, Нурали, Джангер выдавали «феодалам» ханские ярлыки на право владения пастбищными угодьями. В действительности о подобных ярлыках ничего не известно⁵. Резко критикует С. Е. Толыбеков и необоснованное мнение Л. П. Потапова о том, что уже к первым векам до нашей эры в кочевых областях стала наблюдаться нехватка земель и пастбищ, что вело к монопольному распоряжению предводителями кочевьями, фактически к частной собственности кочевой знати на землю. Такая позиция приводит к признанию извечности частной собственности на землю и феодализма на

¹ См. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй..., стр. 354, 355.

² См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 471.

³ См. там же, стр. 216.

⁴ См. там же, стр. 392, 393.

⁵ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 469.

Востоке¹. С. Е. Толыбеков верно замечает, что кочевое скотоводство могло существовать только при малой плотности населения, иначе его стада вытаптывали бы пастбища². Столь же резко С. Е. Толыбеков критикует Л. П. Потапова за то, что, стремясь обосновать концепцию о существовании у кочевников монополевой земельной феодальной собственности, он механически переносит на кочевничество признаки феодально-крепостнические, характерные для земледельческих народов; он критикует Л. П. Потапова также за то, что феодализм «врастает» в первобытное общество без революционной ломки³. Весьма убедительно критикует С. Е. Толыбеков и прочие доводы сторонников концепции о наличии у кочевников монополевой феодальной собственности на землю.

Вместе с тем, разделяя взгляды С. Е. Толыбекова по этому вопросу, нельзя не согласиться с исследователями, обоснованно отмечавшими несостоятельность его взглядов по поводу бытования у кочевых скотоводов патриархально-феодальной собственности на скот. Многие авторы справедливо указывали С. Е. Толыбекову, что скот не являлся монополевой собственностью какой-либо прослойки или класса. Так, С. З. Зиманов отмечает: «Отношения, складывавшиеся в обществе в связи с владением и распоряжением скотом, не могли быть ведущими в отношениях между двумя основными классами потому, что им владели на правах частной собственности обе стороны»⁴. Столь же убедительная аргументация И.Я. Златкина, доказывавшего, что скот не был монополевой собственностью феодалов⁵. То же высказывал и Л. П. Потапов⁶.

По мнению С. Е. Толыбекова, любой скотовод, ставший баем, был и феодалом, так как мог эксплуатировать своих соплеменников. Но критикующие концепцию С. Е. Толыбекова показывают, что ни баи, ни предводители не были монопольными собственниками

¹ См. там же, стр. 96.

² См. там же, стр. 92.

³ См. там же, стр. 326, 328, 329.

⁴ С. З. З и м а н о в. Политический строй..., стр. 44.

⁵ См. И. Я. З л а т к и н. К вопросу... ВИ, 1955, № 4, стр. 73.

⁶ См. Л. П. П о т а п о в. О сущности патриархально-феодальных отношений... ВИ, 1954, № 6, стр. 85.

скота, и до эпохи разложения кочевничества основная часть общества состояла из средних по зажиточности скотоводов, которые вели самостоятельное хозяйство. Между тем, анализируя рассматриваемые явления, С. Е. Толыбеков не уделяет должного внимания этой средней по зажиточности прослойке, составлявшей в пору развитого кочевничества его основное ядро, и говорит главным образом об отношениях между богачами и бедняками¹. Но в своей последней работе этот автор уже отмечает, что богатый скотовладелец не был феодалом в полном понимании этого термина, а находился только в переходном к феодализму состоянии². Он же сам и показывает, что эксплуатация бедняков-казахов в связи с накоплением скота у отдельных лиц особенно возросла по мере вовлечения хозяйств в товарно-денежные отношения с русским рынком. Однако влияние русского капитализма едва ли стимулировало развитие феодальных отношений. Это влияние скорее приводило казахское общество к своеобразному «прусскому» пути развития капитализма, означавшему медленное мучительное расслоение общества. Если следовать рассуждениям С. Е. Толыбекова, то и русский кулак был феодалом. В этой связи верно замечание Л. П. Потапова о том, что «разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи скота на кабальных условиях»³. Такой же критике подвергались взгляды В.Ф. Шахматова, очень близкие к точке зрения С. Е. Толыбекова. Аналогичные споры велись не только в отношении казахов, но и других скотоводческих народов: монголов, арабов и т.д. При этом защитники тех или иных концепций, например, о земле или скоте как основе феодальной собственности, для подтверждения своих доводов использовали те же аргументы, что и при дискуссии о казахах, хотя эти аргументы одинаково несостоятельны в свете последних данных истории и этнографии.

¹ См., например, С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 19, 42, 48 и др.

² См. там же, стр. 19.

³ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений... МНС, 1955, стр. 36.

Таким образом, рассмотрение только одной дискуссии подтверждает мнение о том, что у кочевых скотоводов отсутствовала монополярная феодальная собственность на пастбища и скот. Выше было показано, что монополярная феодальная собственность отсутствовала у монголов, казахов, туркмен, арабов. Это положение также подтверждается данными и о других скотоводческих народах.

К середине XIX в. значительная часть населения Южного Алтая – алтайцы и казахи – занималась полукочевым и кочевым скотоводством. Но и в их хозяйстве под влиянием различных социально-экономических причин постепенно стало намечаться сокращение и видоизменение экстенсивного скотоводства – симптомы разложения кочевничества. С 60-х годов XIX в. вследствие имущественного расслоения началось огораживание некоторых видов угодий и покосов. Большая часть населения стала кочевать уже на более короткие расстояния¹. Уже в начале XIX в. в разных местностях Алтая появились различия в условиях землепользования. Жителям левобережья Катунь были указаны границы кочевий, хотя на правобережье такого ограничения не проводилось. Четких границ пастбищ между кочевыми группами не было². В одном из источников об алтайцах говорится так: «Считая себя «одним народом», калмыки (алтайцы. – Г. М.) признают... что вся та территория, в пределах которой они живут... принадлежит всем им сообща, как одному целому»³. Еще в середине XIX в. это высказывание соответствовало реально господствовавшим поземельным отношениям; на Алтае зачастую не было земельных разграничений даже между отдельными волостями⁴. К началу XX в., когда до 1/5 части алтайцев уже осела и получило распространение товарное хозяйство, стали разграничивать и пастбищные угодья. Но это изменение коснулось не всех категорий земель. В общинном пользовании оста-

¹ «Горный Алтай и его население», т. I. «Кочевники Бийского уезда», Барнаул, 1900; вывод подтверждается и материалами Алтайской экспедиции кафедры этнографии МГУ, 1961 г. «Архив кафедры этнографии МГУ». [Рукопись].

² «Горный Алтай...», т. I. «Кочевники Бийского уезда», стр. 129.

³ Там же, стр. 135.

⁴ Там же, стр. 137.

вались все дальние отгонные пастбища¹. Не ограничивалась свобода переселений на свободные места, где можно было поселяться и хозяйствовать. Источник отмечает случаи поселения на местах, фактически уже обжитых. Местные жители теснились, давая место переселенцам². Пользование летними пастбищами определялось правом первозахвата. Но это право действовало только один сезон, и на следующий год этим пастбищем мог пользоваться уже другой скотовод. Точно так же выглядят поземельные отношения прошлого у алтайцев по полевым этнографическим данным. Старики подтверждали, что пустующие земли имелись в избытке и ими могли пользоваться все скотоводы³. Многие высказывались примерно так: «Всю землю не измеришь, здесь меры не существовало, куда хочешь, туда и гонишь скот – вся тайга твоя»⁴. В данном случае речь шла главным образом о летних пастбищах. Зимники были в подворном пользовании, но мест для поселений было сколько угодно. «Ни одна скотоводческая группа не имела определенной земли для выпаса», «где хочешь, там и селись. Земли было много, хватало всем и пашни»⁵. Рассказывавшие приводили примеры захвата богачами многих лучших пашен и пастбищ в личное пользование, куда неохотно пускали посторонних. Но при обширности земель и немногочисленности населения такие захваты мало затрагивали интересы общества. Тем более, что иногда этими «личными» пастбищами все же пользовались и другие скотоводы⁶.

В литературе высказывались предположения, что у алтайцев еще в эпоху господства джунгарских ханов земля представляла собой феодальную собственность⁷. Л. П. Потапов, высказывавший эту точку зрения, пытался сослаться на статьи ойратского законодательства, в которых, однако, ничего не говорится о правах собственности на пастбища, а в лучшем случае упоминается о распре-

¹ Там же, стр. 138.

² Там же, стр. 141.

³ Об этом свидетельствуют и материалы Алтайской экспедиции..., стр. 19, 38.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Материалы Алтайской экспедиции..., стр. 23.

⁶ Об этом свидетельствуют и материалы Алтайской экспедиции..., стр. 26.

⁷ См. Л. П. П о т а п о в. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.

делении земель под кочевья, причем с подобным распределением не связываются никакие юридические нормы¹. В эпоху подчинения Алтая России землевладение приняло там, по мнению Л. П. Потапова, «монопольный характер зайсанского землевладения и распоряжения зайсанами формально общинной земли...»². Он же приводит примеры захвата отдельных участков пастбищ, участков обрабатываемой земли в личное пользование зайсанов и баев³. Такие явления действительно, как отмечалось выше, получили особенно широкое распространение на рубеже XIX и XX вв. в связи с развитием товарного хозяйства, земледелия, зарождением капиталистических отношений. Однако они отнюдь не свидетельствуют о захвате зайсанами и баями земли в монопольную феодальную собственность

По «Положению об инородцах» от 22 июля 1822 г., «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» и «подробное разделение сих земель зависит от самих кочующих по жребью или другим их обыкновением». В положении говорилось далее, что «утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтобы окружность каждым племенем владеемая была, по распоряжению местного начальства, подробно определена»⁴. Л. П. Потапов считает, что установление государственной собственности на землю было лишь формальным актом. Однако источники XIX в., как и полевые этнографические данные, собранные более чем полвека спустя, отвергают это необоснованное утверждение.

Все сказанное выше позволяет считать, что у алтайцев в условиях кочевого скотоводства господствовало общинное пользование землей, причем между отдельными общинами земля строго не разделялась. При избытке земель, пригодных для скотоводства и земледелия, нет оснований полагать, что все земли находились в

¹ См. Ф. И. Л е о н т о в и ч. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взыскания (уааджин-Бичик). Одесса, 1879; «Монголо-ойратские законы 1640 г.». текст, пер., прим. К. Ф. Голстунского. СПб., 1880.

² Л. П. П о т а п о в. Очерки по истории алтайцев, стр. 267.

³ См. там же, стр. 267-269.

⁴ «Горный Алтай...», т. I. «Кочевники Бийского уезда», стр. 128, 129.

распоряжении баев и зайсанов. У баев и зайсанов не было необходимости, да и практической возможности захватывать всю землю, помимо нужной им для ведения собственного хозяйства. Население уплачивало только налоги государству, никакой ренты и т.п. за землю зайсаны не взимали.

Относительно пастбищ у тибетцев китайский автор Фан Синьмань писал, что скотоводы-кочевники Тибета пасли свой скот на пастбищах феодалов и уплачивали им ренту. Однако, в какой форме существовала эта феодальная собственность конкретно, как шел процесс ее становления в географически изолированных горных областях, не указывается¹.

Исследователь Тибета М. Германнс, долго живший в различных областях этой страны и основательно изучивший здешние социально-экономические отношения, придерживается мнения иного. Приводя множество примеров, он утверждает, что пастбища принадлежали племенам, между которыми они были поделены; так как при экстенсивном скотоводстве кочевники нуждались в больших просторах – между племенами шла борьба за лучшие пастбища, в результате которой размеры землепользования отдельных племен постоянно колебались². Однако в условиях феодальной земельной собственности такая борьба едва ли возможна.

Наблюдавшие и описывавшие киргизов в XIX в. уделяли мало внимания формам землевладения, распространенным у них. В известной мере этот пробел восполняется письменными источниками. Так. С. И. Ильясов считал, что, «по всей вероятности кочевники-киргизы пользовались амлячной землей сообща, о чем свидетельствует тот факт, что вплоть до XX в. сохранилась общинная форма землепользования»³. Опираясь на архивные данные, этот же автор приходит к выводу, что пастбища у киргизов были общинными и использовались сообща, без деления между кочевыми

¹ См. Ю. И. Журавлев. Вопросы этнографии в современной китайской литературе о тибетцах. СЭ, 1958, № 2, стр. 197.

² М. Германнс. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949. S. 200.

³ С. И. Ильясов. К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии. ИАН Кир.ССР, в. I, 1955, стр. 147.

группами¹. Таким образом, нет оснований говорить о частной собственности на пастбища среди киргизов-скотоводов². По мнению К. Усенбаева, верховную собственность кокандских ханов на землю в Киргизии можно было наблюдать практически только в земледельческой полосе, где сложилась частная собственность на землю. На кочевые земли эта верховная собственность не распространялась³. По поводу собственности на пастбища К. Усенбаев пишет: «...пастбища, составлявшие абсолютно большую часть земельных угодий у кочевников и игравшие жизненно важную роль в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, находились в общинном пользовании»⁴. О том же свидетельствуют и официальные документы второй половины XIX в. Так, в «Положении об управлении Туркестанского края» (1886 г.) прямо говорится о том, что правила землепользования устанавливаются соответственно народным обычаям, т.е. сохраняется общинное землепользование, истари бытовавшее у киргизов. В ст. 270 Положения говорится: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников на основании обычаев и правил сего Положения». Ст. 272 гласит: «Зимовые стойбища предоставляются в бессрочное общественное пользование каждой волости отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям, а в случае споров – по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства». Правила пользования летниками формулировались в ст. 276: «Летние кочевки предоставляются в общественное пользование волостей целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями»⁵.

Итак, данные показывают, что «народные обычаи» предусматривали общинное пользование пастбищами, и для сохранения

¹ См. С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. Фрунзе, 1963, стр. 158.

² См. С. И. Ильясов. К вопросу о вакуфах... ИАН КирССР, в. I, 1955, стр. 148.

³ См. К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 89.

⁴ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения... Фрунзе, 1961, стр. 89.

⁵ «Положение об управлении Туркестанского края». Ташкент, 1903.

этих обычаев не было необходимости устранять или вводить феодальное землевладение. При этом следует подчеркнуть, что кодификация правил землепользования явилась результатом большой подготовительной работы по изучению поземельных отношений в кочевых областях, причем сведения о нормах обычного права собирались главным образом среди наиболее зажиточных, «уважаемых» слоев населения. Если бы представители привилегированной прослойки были заинтересованы в сохранении каких-то феодальных институтов в области землевладения, они сообщали бы сведения, соответствующие их интересам. Однако даже следов подобных сообщений нет ни в материалах исследователей того времени, ни в законодательных актах.

Источники свидетельствуют об общинном пользовании пастбищами у единственно настоящих кочевников Кавказа – караногайцев – и об отсутствии у них феодальной монопольной земельной собственности на землю. Общинное землепользование, будучи в рамках государственной земельной собственности, регулировалось «Уставом об инородцах». Документ основывался на давних традициях, согласно которым «любое незанятое пастбище – мое» и «кто первым займет пастбище – тот и пасет». Без серьезных оснований аулы не меняли мест и маршрутов кочевий. Но население каждого аула могло переместить свой аул¹.

Рассмотренное выше показывает, что существование кочевничества как самостоятельной формы хозяйства зависело от наличия частной семейной собственности на скот и возможности свободно использовать пастбища. Кочевникам часто приходилось под влиянием различных социально-экономических и политических причин кочевать, меняя место жительства и районы выпаса скота; они довольно легко приспосабливались к изменяющимся условиям, что возможно только при общинно-племенном владении и пользовании пастбищами. Окончательное закрепление определенных паст-

¹ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. 5. Тифлис, 1873; Л. К у ж е л е в а. Ногайцы. УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964, стр. 218 и сл.; об этом же: Н. П. К а р н а у х. Хозяйство и общественная организация караногайцев в конце XIX – начале XX в. (дипломная работа). «Архив кафедры этнографии МГУ» [Рукопись].

бищ за скотоводами – признак начала разложения кочевничества, перехода к полуседлому (отгонному) или интенсивному оседлому хозяйству.

Среди многообразия фактов о кочевом скотоводстве указания на наличие частной собственности на пастбища до разложения кочевничества отсутствуют. Таких свидетельств нет ни в описаниях путешественников (в том числе достаточно хорошо знакомых с системой феодального землевладения у других народов), ни в архивных материалах, ни в памятниках обычного права. В основе всех попыток обнаружить у кочевников монопольное феодальное землевладение – более чем шаткие рассуждения о том, что представители привилегированных слоев якобы «маскировали» истинные феодальные порядки. Широко распространено в литературе предположение, что деятельность предводителей по распределению пастбищ «порождала» феодальную монопольную земельную собственность. Но ученые, изучающие кочевников, указывали, что эта «организаторская» деятельность не приводила к монополии определенного слоя общества на землю. Обычное право, в том числе и зафиксированное в XIX в. со слов представителей привилегированных слоев скотоводов, тщательно рассматривает и подтверждает частную собственность на скот, домашнее имущество. Однако в этом праве нигде не упоминается о частной собственности, о монополии какого-либо сословия на землю. Отсутствие представлений о частной монопольной собственности на землю особенно четко прослеживается, когда обычное право оговаривает порядок очередности пользования пастбищами. Бедный уступал дорогу богатому или знатному, а богатый или знатный – старшему по возрасту. Но в целом господствовало право первозахвата сезонных пастбищ. Известно множество примеров, когда в различных группах скотоводов-соседей, уровень развития хозяйства которых ничем не различался, у одних старшины играли существенную роль при распределении пастбищ, у других – в лучшем случае давали советы. Действовали старшины, используя поддержку общественного мнения и ничего не могли противопоставить вооруженному народу. Это препятствовало установлению внеэкономической эксплуатации. В военное время, при переселениях в случае нехватки

пастбищ организаторская роль старшин и предводителей возрастала. В годы мирные, при достаточности пастбищ влияние предводителей ослабевало.

Вплоть до эпохи разложения кочевничества отсутствие частной собственности на пастбища определялось экстенсивным характером производства и спецификой производственных отношений. Кочевничество могло существовать лишь до тех пор, пока большая часть народа имела возможность беспрепятственно вести экстенсивное хозяйство, свободно кочевать.

Предводители кочевников и богачи не были заинтересованы в лишении непосредственных производителей средств производства и в установлении сословной монопольной собственности на пастбища и скот. В условиях кочевого экстенсивного скотоводства это привело бы к разрушению экономической базы кочевничества, его общественной организации и лишило бы привилегированный слой общества социальной опоры. Свободные общинники, владевшие скотом и пользовавшиеся племенными пастбищами, составляли войско кочевников и резерв рабочей силы. Если непосредственные производители лишались средств производства, они, за исключением небольшого числа пастухов, работавших по найму у богачей, были вынуждены искать себе средства к существованию вне кочевого хозяйства, что означало ликвидацию самого кочевничества. Этот процесс становился отчетливее по мере вовлечения кочевников в сферу капиталистических отношений.

Предполагать у кочевников монопольную феодальную собственность на пастбища на основе отдельных данных о захватах в личное пользование участков пастбищ нельзя. Предводители и богачи захватывали только отдельные участки пастбищ, те, где пасся их собственный скот. Таким образом, никакой монополии на землю не возникало. Не имели эти захваты и сословного характера, так как сделать подобное мог любой разбогатевший. Предводитель или бывший богатый, лишившись скота (что не было редким явлением), терял и всякое право на захваченный участок пастбищ. На захваченных местах велось только личное хозяйство, в котором использовался наемный труд. Производственные отношения имели облик экономического соглашения, а не феодальной внеэкономи-

ческой зависимости. Захваты пастбищ были временным явлением и не рассматривались обычным правом как норма¹.

Скот – богатство кочевого хозяйства: увеличивалось его поголовье – возрастала потребность в пастбищах; если сокращалось поголовье – необходимые прежде пастбища больше не были нужны. Процесс был постоянным, а поэтому структура системы при частной собственности на скот и общинном пользовании пастбищами, не ограниченном сословными нормами земельной собственности, подвижна и динамична. Экстенсивность кочевого скотоводства не что иное, как экстенсивное использование пастбищ при незначительном разделении труда (простейшие формы).

Данные о собственности на колодцы показывают, что часть колодцев была очень старой; одними пользовались сообща, другие сооружались кочевыми группами. На последних этапах истории кочевничества, при его разложении, появились частные колодцы. Но по старым традициям собственность на эти колодцы во многих случаях была частичной и давала только преимущества в пользовании водой и окрестными пастбищами и не означала собственности на землю, даже когда колодцами пользовались только их владельцы. Право сооружения колодцев не было чьей-либо сословной привилегией – строили по своему усмотрению кочевые группы, отдельные лица, а поэтому и отдельные случаи привилегий при пользовании пастбищами, окружавшими колодцы, не были сословно-монопольными по характеру.

Частная собственность на землю в скотоводческих областях стала возникать только по мере постепенного оседания кочевников, заводивших на зимниках усадьбы и обрабатывавших там поля. Этот вывод подтверждается как фактами, так и высказывания Ф. Энгельса по поводу земельной собственности: «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом. Неприкосновенность жилища – это основа всякой личной свободы – была перенесена с кибитки

¹ Рассматривая это явление, нельзя не заметить некоторого сходства с процессом «огораживания» в Англии. Как известно, последний был связан с разложением феодальных отношений и первоначальным накоплением.

кочевника на бревенчатый дом оседлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу»¹.

Пастбищами владели определенные племена. Кочевые общины или отдельные хозяйства использовали эти земли в пределах племенных границ, хотя иногда и нарушали их. В эпохи относительно мирного существования, в общинно-кочевых условиях, высшее право пользования племенными пастбищами осуществлялось и защищалось племенем в целом. В эпохи войн и переселений, в условиях военно-кочевых, возрастала организаторская роль вождей. Так, например, Чингиз-хан ограничил произвольные кочевания населения, но не с целью закрепления земли в собственность, а для укрепления структуры военной организации, так как при беспорядочных перекочевках могли возникнуть междоусобицы, нарушиться десятично-племенная структура войск. И, как свидетельствуют факты, эти ограничения выполнялись недолго.

В тех случаях, когда кочевники оказывались под властью оседлых государств, к последним переходило и право верховного суверенитета на пастбища. Но на порядках землепользования в степи это сказывалось незначительно и только в эпоху разложения кочевничества, по мере проникновения и развития капиталистических отношений, стала возникать частная собственность на землю, причем в основном обрабатываемую. Однако рассмотрение этого явления уже выходит за рамки задач данного исследования.

Характер владения пастбищами у кочевников принципиально отличался от характера феодального землевладения. О последнем указывалось: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»². Это именно то, о чем Ф. Энгельс писал: «Первая форма собственности, это – племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием»³.

Частная собственность на скот и развитие товарно-денежных отношений по мере выделения кочевого скотоводства в самосто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 332.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 23.

³ Там же, стр. 20.

тельную отрасль занятий создали условия для имущественного неравенства. Но кочевое скотоводческое хозяйство было порой не единственным и даже не главным источником возникновения резкой имущественной дифференциации. Обмен, торговля с земледельческими областями, войны и набеги на оазисы и соседние племена как одна из форм регулярных связей с соседями, один из видов занятий¹ порождали значительные различия в имущественном положении. В относительно мирное время добыча при набеге была небольшой и потому распределялась в первую очередь среди молодых воинов-участников. Военные предводители имели некоторое преимущество при дележе, однако преимущество не было особенно существенным при малых набегах. В годы войн, возникновения империй грабежом занимались все кочевники. И лишь в этом случае доля предводителя бывала значительно больше доли рядового. Предводители военных отрядов могли лучше хранить добычу, даже увеличить поголовье своего стада им было легче, чем простому кочевнику. Но превратности судьбы кочевников-воинов редко позволяли вождям и их наследникам долго пользоваться добычей, и вчерашний вождь и богач мог стать гонимым бедняком. Поэтому имущественная дифференциация в военное время резко усугублялась, но, становясь довольно значительной, была не менее неустойчивой. В общинно-кочевое время имущественные различия могли быть менее резкими, но зато более постоянными. Значительная имущественная дифференциация характерна для времени разложения кочевничества.

Одним из важных, а во многие эпохи и главным источником имущественной дифференциации кочевников была эксплуатация соплеменников. В литературе этот вопрос исследован уже довольно всесторонне. Много по поводу этого явления уже говорилось. Итак, известны два наиболее распространенных вида эксплуатации: найм пастухов и рабочих и отдача скота на выпас. И первый и второй виды имели многие разновидности. Например, иногда пастухов и рабочих просто нанимали, расплачиваясь с ними натурой или деньгами. Но порой пастухами и рабочими были бедные

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

родственники зажиточного скотовладельца, кочевавшие с ним постоянно или временно. В таком случае взаимоотношения были, как правило, завуалированы родственными связями. При отдаче скота на выпас вариантов форм могло быть очень много: от действительной взаимопомощи и взаимовыгодного соглашения и до самой жесткой эксплуатации получающего скот. Отношения, основанные на эксплуатации, были во всяком случае во второй половине XIX в. уже господствующими, но существовала практика отдачи на выпас для более рациональной организации труда¹. Разнообразные формы производственных отношений и эксплуатации и по социальному содержанию были различными: зависимость кабальная и имеющая черты барщинной эксплуатации; наконец, формы, различающиеся в зависимости от развитости капиталистических отношений. Но следует подчеркнуть, что формы эти как проявление отношений эксплуатации стали широко распространяться и господствовать среди большей части скотоводов только в эпоху разложения кочевничества. До этого времени основная часть кочевников-скотоводов представляла собой средние по зажиточности хозяйства, мало вовлеченные в эти процессы.

Помимо имущественной кочевничество характеризовала и значительная социальная дифференциация. Верхушку общества составляли различные предводители и члены их семей, богатейшие скотоводы; в случае подчинения кочевников земледельческим государствам в нее входили чины местной администрации, духовенство. Средняя прослойка, наиболее многочисленная в пору развитого кочевничества, – это семьи, ведущие самостоятельное хозяйство. Эта прослойка, составлявшая в основном войско, была неоднородной и постоянно расслаивалась, пополняя либо слой привилегированных, либо слой бедняков. Дело в том, что только очень большие стада скота могли гарантировать относительно постоянное состояние хозяйства при превратностях судьбы. Небольшое стадо скорее и больше страдало при неблагоприятных условиях, грабежах и т.п. Однако никто не был гарантирован от несчастий, и известно много случаев разорения богатых. Но общество кочевых

¹ См., например, С. И. В а й н ш т е й н. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1960, стр. 35.

скотоводов было относительно стабильным лишь до тех пор, пока большинство его составляли средние по зажиточности, хозяйственно самостоятельные семьи. Они, как указывалось, были основой силы племени, отстаивали его свободу и независимость.

По мере разложения кочевничества становилось все больше бедняцких семей, не имевших возможности самостоятельно вести хозяйство и зависимых от богачей. Однако специфика кочевого хозяйства в том, что оно способно использовать только ограниченное число рабочих рук: «...в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»¹. Как только имущественное и социальное расслоение среди кочевников начинало превышать возможности использования рабочей силы, начинался отток незанятых. Одни скотоводы оседали на землю, другие – искали иных занятий. А следствие этого процесса – разложение кочевничества. Факты свидетельствуют, что процесс этот был постоянным, возраставшим по мере вовлечения кочевничества в сферу капиталистических отношений.

Кочевничество не знало крепостного права. При экстенсивном скотоводстве у кочевников крепостной труд нецелесообразен, установление крепостнических отношений при условии поголовного вооружения народа и отсутствия отделенной от него армии невозможно. Поэтому и кабальные отношения не приводили к появлению сословия закрепощенных. Любой полузависимый бедняк-скотовод мог, разбогатев, стать баем. А в соответствующих условиях – и предводителем. В главе о монголах отмечалось, что в эпоху господства маньчжуров предводители имели известное число крепостных. Но крепостное состояние последних было законодательно установлено китайцами, а не было порождением кочевых порядков. Этих крепостных было ничтожно мало. В зависимость от кочевников попадало завоеванное ими земледельческое население. Однако и здесь отношения не были простыми: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 327.

или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»¹. Все же искать феодальные крепостнические отношения у кочевников как внутри племен, так и в случае подчинения одних племен другими не следует – такой вывод дает изучение различных материалов. Наиболее показательны (наряду с другими) данные о монголах до эпохи сложения империи.

Рабство никогда не имело среди кочевников большого распространения. Оно было главным образом домашним, патриархальным, так как использовать рабов при скотоводческих работах, требовавших определенной квалификации и добросовестности, было невыгодно, ибо охранять рабов сложнее, чем пасти скот и ухаживать за ним. Рабов использовали в небольшом количестве как домашних слуг, рабынь – наложницами. Рабов захватывали главным образом для продажи.

Для лучшего понимания социальной структуры кочевничества следует подробнее рассмотреть положение и функции вождей и старейшин у кочевников. Вожди как военные предводители приобретали значительную власть над соплеменниками и в кочевых империях, и вообще в военно-кочевых условиях. Эти отношения основывались на военной субординации², племенных традициях и обычном праве. Сила вождей заключалась в ополчении поголовно вооруженного народа, который признавал их до тех пор, пока их действия соответствовали нормам обычного права и интересам кочевников. Даже могущественный Чингиз-хан считался с этими обычаями. И его «гвардия» была скорее ударным или охраняющим отрядом, чем силой для удержания в повиновении всего народа. Для этого силы этих отрядов были недостаточными. Вожди у кочевников не составляли замкнутого сословия, и ими могли стать, а зачастую и становились, рядовые кочевники. Лишившиеся достоинства предводителя не сохраняли сословных привилегий (за отдельными исключениями). Некоторыми привилегиями пользовались, например, родственники Чингиз-хана, а также тарханы. Как сословие может рассматриваться «белая кость» у казахов. Однако

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 112.

² Ср. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

ханы, выходцы из этого сословия, даже в XVIII в. не имели большой власти в народе и, по свидетельствам того времени, их нередко называли «мнимыми начальниками». «Белая кость» у казахов – проявление традиций империи Чингиз-хана, для которой вообще была характерна исключительно сильная для кочевничества социальная дифференциация.

Большую власть над соплеменниками имели предводители и тогда, когда кочевники попадали под власть земледельческих государств. Предводители выступали в таких случаях как представители народа, своего рода местная администрация, опирались на помощь и авторитет со стороны и, как правило, злоупотребляли своим положением. В целом же в эпохи относительно мирного существования власть кочевых предводителей, вождей, была слабой¹. Эти лица опирались в значительной мере на богатых скотоводов, чьи интересы они представляли, порой уступали по влиянию племенным старейшинам, хранителям традиций обычного права.

Факты показывают, что предводители кочевников не получали ренты за землю: собирали дань, удостоивались подношений, но порой они ничего не получали от своих соплеменников вообще². Для поддержания своего авторитета и влияния предводителям приходилось оказывать широкое гостеприимство, нередко весьма обременительное для их хозяйства.

Анализ социальной структуры кочевничества показывает, что при сильной имущественной и социальной дифференцированности процесс классообразования не был завершен.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их

¹ См. также: С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 40.

² Там же, стр. 49, 50 и др.

места в определенном укладе общественного хозяйства»¹. Явлений, аналогичных тем, что подчеркивает В. И. Ленин, у кочевников в сложившемся виде не обнаруживается. Не наблюдалось у них и другого, отмеченного В. И. Лениным: «...в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостнического) общества были также и особыми сословиями»². Классовая структура выступала у кочевников в недоразвитом виде³. Весьма характерно, что у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы. История не знает случаев восстаний кочевых скотоводческих племен, подобных крестьянским. При этом следует помнить, что недоразвитость какого-либо явления предусматривает потенциальную возможность «превращения» этого явления в развитое. Однако у кочевников этого «превращения» не наблюдалось. Средства производства не стали монополией класса или сословия, производственные отношения сочетали многообразие черт и форм, начиная от племенной взаимопомощи вплоть до характерных для кабальных и раннекапиталистических отношений. Как только в обществе кочевников начиналось интенсивное классовообразование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства, – кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начало разлагаться. Таким образом, при экстенсивном кочевом скотоводстве, как и в присваивающих видах хозяйства, шел процесс классовообразования, который наряду с другими социально-экономическими явлениями приводил к переходу к более прогрессивному, интенсивному, но уже не к о ч е в н и ч е с к о м у виду хозяйства. Общество было дифференцировано на социальные слои, которые в условиях кочевых империй в некоторых случаях приобретали характер сословий, а при разложении кочевничества становились классами.

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, *прим.*

³ Эту особенность С. Е.Толыбеков подчеркивает у казахов (см. С. Е. Т о - л ы б е к о в. Кочевое общество..., стр. 42).

Весьма сложен и еще далек от окончательного разрешения вопрос о характере общественных отношений у кочевников. В литературе широко распространено представление о том, что у кочевников господствовали либо недоразвитые патриархально-феодальные отношения, либо развитые феодальные.

Рассматривая эту проблему, необходимо подчеркнуть, что совокупность фактов, накопленных наукой о кочевничестве, полностью подтверждает выводы классиков марксизма о характере собственности на основные средства производства у скотоводов-кочевников и не дает никаких оснований подвергать эти выводы пересмотру. Последнее подчеркивается еще и тем, что, неоднократно останавливаясь на проблемах кочевничества, классики марксизма ни разу не называли господствующие у кочевников социальные отношения феодальными. Наиболее наглядно с этой точки зрения высказывание Маркса по поводу института тарханов у монголов: «...этот вид *феодальных прав* возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»¹. Таким образом, даже у монголов эпохи Чингиз-хана К. Маркс находит лишь отдельные элементы феодальных отношений, происхождение которых он связывает не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни.

Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала феодальная собственность на средства производства и по большей части отсутствовали феодальные производственные отношения.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что общественные отношения у кочевников на разных этапах истории отличались значительной сложностью и многоукладностью, что было, в частности, и следствием тесных и разносторонних связей с оседлыми народами. Эти связи в определенных условиях способствовали значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества. Особенно заметно этот процесс проявлялся, когда кочевников подчиняли земледельческие государства или скотоводы покоряли оседло-земледельческие области. Однако преувеличивать степень

¹ К. М а р к с. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 220.

феодализации не следует, ибо некоторые сходные внешние признаки, свойственные, кстати, не только обществам феодальным, но и всем народам, у которых имущественная и социальная дифференциация развивалась в рамках военной организации и в условиях относительно постоянной войны.

Вот почему самого серьезного внимания заслуживает критика взглядов о наличии феодальных отношений у народов Центральной и Южной Америки: «Испанцы (писатели), – указывал К. Маркс, – оставили нам по вопросу о землевладении у южных племен неимоверную путаницу. В *неотчуждаемой общей земле*, принадлежавшей *общине*, они видели феодальное владение, в вожде – *феодалного сеньора*, в людях – *его вассалов...*»¹.

С этой точки зрения чрезвычайно важна характеристика общественных отношений у кочевых или бывших кочевых народов Средней Азии и Южной Сибири в партийных документах X съезда РКП(б). В резолюции съезда по национальному вопросу отмечается, что помимо населения промышленно развитых районов страны «...остается около 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне ушедших дальше полупатриархально-полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»². Из резолюции следует, что наличие патриархально-феодальных отношений констатировалось лишь у некоторых земледельческих народов, но не у кочевников.

Итак, все показывает фактическую и теоретическую несостоятельность гипотезы о так называемом «кочевом феодализме», выдвинутой Б. Я. Владимирцовым и повторенной в ряде работ его последователей. Ни факты, ни теоретические выводы в поль-

¹ К. М а р к с. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 49.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8, т. 2. М., 1970, стр. 252.

зу этой концепции не выдерживают научной критики. Для обоснования этой гипотезы ее сторонники прибегали к необоснованным аналогиям между социальными процессами у кочевников и земледельческих народов средневековой западной Европы; неверно подбирали и интерпретировали факты; пользовались позднейшими данными для реконструкции событий более ранних эпох; произвольно обращались с высказываниями классиков марксизма о западноевропейском феодализме, употребляя последние применительно к кочевым обществам. Впрочем, эта методика доказательств была принята и многими сторонниками концепции развитых феодальных отношений у кочевников. Такая гипотеза, по сути, не что иное, как попытка «конструирования» особой социально-экономической формации у кочевых народов всех эпох, попытка доказать извечность феодализма у кочевников.

Гипотеза «кочевого феодализма» подвергалась в научной литературе очень серьезной и обоснованной критике. Так, С. Е. Толыбеков считает эту концепцию немарксистской, повторением реакционной теории Дюринга¹. Автор, пожалуй, несколько преувеличивает, однако критика им «кочевого феодализма» не только совершенно справедлива и убедительна, но и позволяет сделать окончательные выводы по этой проблеме.

Теоретическое наследие классиков марксизма помогает выяснению характера общественных отношений у кочевых народов. Особое внимание при этом следует обратить на понимание К. Марксом и Ф. Энгельсом эпохи «военной демократии», на учение В. И. Ленина о социально-экономических укладах и в частности на его выводы о патриархальном укладе. Эти и многие другие теоретические положения помогают воссоздать историю развития социальной структуры кочевничества от «военной демократии» к патриархальному социально-экономическому укладу, а по мере разложения последнего – к современным социально-экономическим отношениям. Такой путь, однако, не исключает наличия в рамках одних господствующих отношений и других, порой очень сильных укладов.

¹ См. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 2, 17, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 69.

«Военная демократия» была эпохой, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов. Подобные общественные отношения Энгельс находил у греков в классическую эпоху и у римлян в период «так называемых царей...»¹. Как отмечал Маркс, «*греческие тирании были деспотиями, основанными на узурпации, представлявшими зародыш, из которого развились позднейшие монархии; так называемые монархии гомеровского периода были не чем иным, как военными демократиями*»². Общества, определяемые классиками марксизма как «военные демократии», во многом напоминают общества кочевников. В этой связи весьма интересны и высказывания А. И. Неусыхина об общественном строе германцев до формирования у них феодальных отношений: «...это тот политический строй племени, который Ф. Энгельс обозначил термином «военная демократия»³. «Дофеодальный период» А. И. Неусыхин рассматривает как понятие не хронологическое, а стадияльное и не выделяет его в самостоятельную общественную формацию⁴. Судя по всему и по наиболее существенным признакам, общественные отношения у кочевников сходны со структурой общества в «дофеодальный период». Но по мере оседания германцев на землю, завершения этого процесса и складывания у них феодальных отношений это сходство постепенно исчезало. Связано это в известной мере с тем, что имущественное и социальное расслоение в кочевничестве не приводило к развитым классовым отношениям, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишенных средств производства, вынуждена была искать приложения своим силам вне скотоводства.

По мере социально-экономического развития кочевничества, разложения кочевых империй, подчинения последних земледель-

¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 127.

² К. М а р к с. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 89, 90.

³ А. И. Н е у с ы х и н. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. ВИ, 1967, № 1, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 86.

ческим государствам, постепенного появления и развития черт оседлости в хозяйстве, социальные отношения в кочевничестве начали принимать характер патриархальных. О патриархальном укладе в России В. И. Ленин писал: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»¹. Так охарактеризована «патриархальная, т.е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства...», – одна из форм хозяйства 20-х годов нашего века. Приведенные выше характеристики, данные В. И. Лениным и X съездом РКП(б)² лишней раз подтверждают те практические выводы, которые можно сделать на основе анализа материалов о характере социальных отношений у кочевников на поздних этапах их развития. Когда в среде кочевничества начались процессы формирования классовых отношений – феодальных или капиталистических, – кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население.

Политическая организация кочевников сформировалась в процессе выделения скотоводческих народов из среды прочих варваров, в ходе разложения у них первобытных, родовых отношений и порождалась спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и социальной структурой кочевников. При этом общественная организация кочевников не была ни повторением, ни непосредственным продолжением организационной структуры обществ, находящихся на уровне первобытнообщинном. К. Маркс указывал, что определенной форме материального производства соответствует определенная структура общества³, а В. И. Ленин показал, что общественная организация, характер общественных связей принципиально различны на разных этапах социально-экономического развития общества. Ссылаясь на К. Маркса, В. И. Ленин отмечал: «...глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и расте-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.

² См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 279; «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 252.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

ний»¹. В. И. Ленин резко критиковал доктрину о том, «что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем – дескать – семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»².

При анализе социальной организации, ее признаков и черт на разных этапах общественного развития В. И. Ленин придавал особое значение общественным связям, лежащим в ее основе. Он устанавливает, что при родовом строе господствовали родовые, при феодальном – территориальные, а при капиталистическом – национальные связи³.

Социальная организация любого общества покоится на самых различных явлениях и связях. Однако часть их второстепенна и не определяет характера общественной структуры, ибо только строго определенные явления и связи составляют сущность последней.

Многочисленные кровные, семейно-родственные, хозяйственные, генеалогическо-племенные, военные, политические, культурные, языковые и другие связи в общественной организации кочевников не были равноценными, и задача исследователя – выявить среди множества те, которые лежат в основе общественной структуры.

Анализ рассмотренного выше материала и данные о других скотоводах Азии подтверждают большое сходство принципов общественной организации различных групп кочевников. При этом сходство это прослеживается как между соседними, так и отдаленными народами, что позволяет предполагать наличие общих закономерностей в аналогичных явлениях. Общественная структура кочевничества начала складываться в ходе выделения скотоводства в самостоятельную отрасль хозяйства, в эпоху разложения первобытнообщинных отношений. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в производственной базе, а в результате подобных процессов происходят значительные изменения и в области общественной организации⁴. Первобытно-общинную организацию племен, ведущих комплексное оседлое и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 167.

² Там же, стр. 153.

³ См. там же, стр. 153, 154.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 279.

полуоседлое хозяйство, сменила формировавшаяся кочевническая, основанная на хозяйственно-самостоятельных семьях, имевших частную собственность на скот (капитал). Но семьи не могли существовать изолированно, и по хозяйственным, военным и другим соображениям они объединялись в кочевые группы; к такому же результату приводили также сегментация семей и объединение неродственных семей и групп. По тем же причинам кочевые группы объединялись в более крупные племенные подразделения и племена. Как небольшая группа семей, так и само племя или их группа рассматривались кочевниками как следствие сегментации одной первоначальной семьи, что давало идеологическое обоснование племенной общности в форме генеалогического родства, единства происхождения¹. Племена и их подразделения носили имена своих действительных или вымышленных прародителей. Однако в действительности племена эти часто были сложными этническими образованиями, формировавшимися исторически, иногда веками. Объединявшиеся разнородные группы искусственно возводили свою генеалогию к единому предку, что в конечном итоге приводило к возникновению представления о единстве и «родстве». Подобное происходило постоянно и засвидетельствовано сообщениями письменных источников и этнографическими наблюдениями². При этом кочевники достаточно ясно представляли себе различия между кровным и генеалогическим родством, что и нашло отражение в соответствующей терминологии³.

Племенная структура и принципы ее организации были наиболее целесообразными и, пожалуй, единственно возможными в ус-

¹ Ср. понятие «генеалогический род»: С. М. А б р а м з о н. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. «Родовое общество». ТИЭ АН СССР, т. XIV. М., 1951

² Об этом см., например: Н. А. А р и с т о в. Опыт выяснения этнического состава киргизов-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. СПб., 1895, стр. 87 и др.

³ У некоторых туркменских групп населения дальше «родство» – «даш гарындаш»; более близкое – «якын гарындаш». Родство по крови – «ган душер».

ловиях кочевой жизни, частых войн, во время которых одни племена распадались или возрождались вновь, другие – возникали, оформляясь идеологически как формально-генеалогические общности. На уровне низших ступеней общественной организации (скотоводческих групп, небольших племенных подразделений) на основе конкретных хозяйственных интересов генеалогически объединялись родственные и неродственные группы. Высшие ее ступени (племена и их крупные отделы) помимо этого были общностями военными и политическими, идеологически «подтверждаемыми» генеалогическим родством и довольно распространенной среди кочевников эндогамией. Действительное родство имело практическое значение только в рамках семей. Генеалогическое родство имело значение до тех пор, пока служило идеологической формой реальным политическим, военным, хозяйственным и прочим связям. Нарушение последних или возникновение новых кочевых образований приводило к появлению новых генеалогических структур.

Характер элементов общественной организации кочевников и соотношение этих элементов в процессе функционирования заметно различались в различных социально-экономических и политических условиях. В относительно мирное время, даже в случае подчинения кочевников земледельческим государствам, общественная организация скотоводов строилась в соответствии с интересами их хозяйства и подчинялась государственному законодательству. При этом увеличивалась самостоятельность кочевых групп, семей, возрастало значение территориальных связей. Организационные связи внутри племен и их отделов ослабевали. Ослабевали или даже исчезали бытовавшие племенные институты власти и управления. Текущие вопросы решались наиболее влиятельными членами кочевых групп при участии глав семей.

Отношения между семьями, входившими в совместно кочующие группы, несмотря на наличие истинного или вымышленного родства, постепенно принимали форму соседских. Очень точно истинную сущность кочевнической организации выразил К. Маркс: «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа

жизни»¹. Условно такую форму общественной организации скотоводов можно назвать «общинно-кочевой». Значительное воздействие на племенную организацию скотоводов оказывали социально-экономические отношения последних с соседними государствами, особенно в эпоху развития капитализма. Этот процесс приближал разложение кочевничества и приводил к ломке устоявшейся племенной структуры.

В годы войн и больших переселений общественная организация кочевников несколько видоизменялась, приобретая новые черты: военные и политические интересы выступали на первый план, а интересы скотоводческого хозяйства отходили временно на второй. В «бурные» для кочевников времена семьи, скотоводческие группы и объединения выступали как подразделения военной организации, составлявшие народное ополчение. Возрастало единство племен и всего кочевого народа. Высшие звенья племенной структуры упорядочивались, из ранее отвлеченных генеалогических понятий воплощались в реальные военные соединения и политические образования. Появлялась и относительно более или менее централизованная власть, аппарат управления, элементы которого иногда заимствовались у окружающих оседлых народов. В отдельных случаях племенная структура временно заменялась военной на десятичном принципе. Значительно усиливалась власть вождей – военных предводителей. Однако не следует полагать, что военная, даже десятичная структура противоречила кочевнической племенной организации. Например, десятки тысяч, тысячи и т.д. монгольского войска по большей части соответствовали существовавшим ранее большим и малым племенам, а сотни – более мелким их подразделениям. Десятичная «структура» усиливала смешанность племен, но поскольку родственный принцип в организации кочевников играл лишь идеологическую, чисто формальную роль, то временная замена его централизованной организацией при сохранении скотоводческого экономического базиса принципиально ничего не меняла. Организацию скотоводов по этому принципу можно условно назвать «военно-кочевой».

¹ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

Результатом усиления военной организации было возникновение кочевых империй, олицетворявших военную централизацию скотоводов. Объединение кочевников в целях грабежа и завоевания соседних народов происходило в первую очередь в интересах верхушки кочевого общества: военных и племенных предводителей. Новые условия жизни порождали соответствующие формы субординации, и власть предводителей усиливалась. Но по мере распада империи и децентрализации племен, по мере роста самостоятельности кочевых групп власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевала, чему способствовало поголовное вооружение кочевников и многое другое. Одновременно усиливалось влияние зажиточной прослойки общества совместно с племенными старейшинами, образующей верхушку последнего. Кочевые империи – временные, эфемерные образования – не имели прочного специфического экономического базиса и во многом отличались от государств оседло-земледельческих областей¹.

Государства в оседло-земледельческих областях первоначально возникали на территориальной основе как формы общественной организации по мере разложения первобытнообщинных отношений и в процессе становления нового способа производства, возникали как следствие появления непримиримых классовых противоречий между группами людей, наделенных средствами производства и лишенных их².

В ходе исторического развития раннеклассовые государства сменялись рабовладельческими, феодальными и т.д. С гибелью населения государство могло временно исчезнуть, но если природные условия позволяли, новое население воссоздавало государство. Итак, до определенного момента истории земледельческое государство – явление необратимое. Видоизменяясь, государство не может исчезнуть, пока живы антагонистические классовые противоречия.

Что касается кочевников, то факты свидетельствуют: переход общественной организации из «общинно-кочевого» состояния в

¹ Эту характерную особенность у монголов и казахов отмечает С. Е. Толыбеков (см. С. Е. Толыбеков. Кочевое общество..., стр. 232, 346, 351, 369).

² Ср. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 68.

«военно-кочевое» и обратно – явления обратимые. После распада кочевых империй в подвластных им земледельческих областях появлялись новые государства, тогда как у подвижных скотоводов в том или ином виде возрождалась общинно-кочевая организация. Это объясняет, почему там, где ранее были древние кочевые империи, впоследствии встречались аморфные племенные образования. Характерно, что племенная и уж во всяком случае общинно-кочевая структуры с гибелью империи не разлагались, а функционировали до гибели кочевничества.

Рассматриваемые процессы отражались и в формировании этнических общностей Азии.

Содержание

От редколлегии	5
<i>Аникин Н. В., Соловей Т. Д., Функ Д. А.</i> Большой стиль в науке. Памяти доктора исторических наук, профессора Г. Е. Маркова (21.06.1923 – 03.04.2018)	8
<i>Калиновская К. П.</i> Научное открытие в контексте эпохи. О монографии Г. Е. Маркова «Кочевники Азии» (1976)	31
Глава VI. Некоторые теоретические проблемы кочевничества // Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: Наука, 1976. 318 с.	32
<i>Архипова М. Н., Титорский А. В.</i> Советская повседневность и соционормативные практики через призму автобиографии	80
<i>Бахматова М. Н.</i> Изучение проблем нациогенеза и национальной идентичности в Италии.	93
<i>Губогло М. Н.</i> Нравственные основы социального самочувствия (из опыта этносоциологического обследования в Гагаузии в 2006 году)	104
<i>Данилова Е. Н., Заседателева Л. Б.</i> Военно-бытовой уклад оренбургского и терского казачества в XIX веке: историко-психологические аспекты	126
<i>Казьмина О. Е.</i> Протестантизм: объединения и разделения в христианстве, миссионерство и социальное служение	143
<i>Попов В. А.</i> Этнология, этнография, народоведение или антропология этничности? (Номинативный аспект науки как отражение «революционных» перемен)	158
<i>Ситнянский Г. Ю.</i> «Евразийская реформация»: будет ли новый шанс?	166
<i>Соловей Т. Д.</i> Профессиональная коммуникация в отечественной этнологии в первой трети XX века: основные тенденции, динамика	190
<i>Турьинская Х. М.</i> Африканские этнографические коллекции в музеях Швейцарии	214
<i>Фролова А. В.</i> Революция и трансформация праздничной культуры русских Архангельского Севера в первой трети XX века	223

<i>Цеханская К. В.</i> Современные модели религиозного дискурса в методологии научного познания	242
<i>Шевцов А. Л.</i> История метисного населения Восточной Сибири: «карымы» / «ясачные» (проблемы этнической идентичности) . .	258
Сведения об авторах	272

РЕВОЛЮЦИИ СВЕТСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, НАУЧНЫЕ
И ДИНАМИКА ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА

Памяти доктора исторических наук,
профессора Геннадия Евгеньевича Маркова

Сборник научных статей

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536

Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 0,00. Печать офсетная.

Заказ №